

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ВАШ МУЖ МЕРТВ

ДЖЕЙН КОРРИ

Психологический триллер (АСТ)

Джейн Корри
Ваш муж мертв

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Корри Д.

Ваш муж мертв / Д. Корри — «Издательство АСТ»,
2018 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-112195-2

Когда-то муж Вики Дэвид клялся любить ее в болезни и здравии – но стоило ей действительно заболеть, как он ушел к другой женщине. Вики нашла в себе силы жить дальше, но добрых чувств к предателю не испытывала. А потом ей позвонили из полиции и сообщили, что Дэвид исчез и есть все основания считать его жертвой убийства. Убийства, в котором, судя по всему, подозревают ее... Что же произошло на самом деле? Что случилось в ночь исчезновения? Кто расправился с Дэвидом? Одна из его многочисленных любовниц? Кто-то из подельников по финансовым махинациям? Вики понимает: она должна выяснить это, если не хочет предстать перед судом за преступление, которого не совершала. И первым делом ей нужно встретиться с Таней – новой женой «мертвого бывшего»...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-112195-2

© Корри Д., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	51
Глава 10	55
Глава 11	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Джейн Корри

Ваш муж мертв

Моему мужу, благодаря которому я смеюсь каждый день, и моим чудесным, талантливым, любящим детям.

А также моим «деткам», озаряющим мою жизнь.

Jane Corry

THE DEAD EX

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London

The author has asserted her moral rights

All rights reserved

© Jane Corry, 2018

© Перевод. Н. Огиенко, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Джейн Корри – известная британская журналистка, общественный деятель и литературовед. Три года преподавала литературу в мужской тюрьме строгого режима. Этот опыт вдохновил ее на создание дебютного романа – психологического триллера «Жена моего мужа». И сенсационный успех этого романа, а также и последующего – «Кровные сестры» – быстро вознес ее из рядов начинающих писателей в плеяду ярчайших звезд современной прозы.

Пробирающий до мурашек, великолепный психологический триллер!

Никки Френи

Мало кто из современных авторов может сравниться с Джейн Корри в мастерстве создания образов сильных женщин, оказавшихся в поистине сложных обстоятельствах.

«Times»

«ДЕЙЛИ ТЕЛЕГРАФ», 5 НОЯБРЯ 2018

На берегу Дедманс-Крик в Северном Корнуолле было обнаружено тело. По словам представителя полиции, на данный момент они не располагают какой-либо дополнительной информацией.

Часть 1

Шалфей, можжевельник, рута, тимьян красный. Люди полагают, что масла для ароматерапии абсолютно безвредны. Однако эти чудодейственные вещества могут быть чрезвычайно токсичны при неправильном использовании.

Во всяком случае, так говорят.

Не всегда легко понять, как все на самом деле.

Вот, например, та женщина, встретившаяся мне когда-то: она убила мужчину, которого любила.

Но она не хотела его убивать.

По крайней мере, так она говорила нам...

Он изменял ей, но пообещал оставить ту, другую женщину.

А потом она поймала его с телефоном.

И тогда она схватила первый предмет, попавшийся под руку — это оказалась отвертка, — и всадила ее ему в шею.

Конечно же, она хотела его убить — так подумала я тогда.

Но сейчас я в этом не уверена.

Глава 1

Вики

14 февраля 2018

Я откручиваю крышку, вдыхаю глубокий, пьянящий аромат и осторожно отмеряю три капли в стеклянный мерный кувшинчик. Чистая лаванда. Моя любимая. И, что, вероятно, еще важнее, это простое средство замечательно своим полезным для здоровья уровнем эфиров, что в моем деле принято иначе называть «целебными свойствами».

Целебными? Кого я обманываю? Ничто и никто не может меня спасти. Возможно, я выгляжу как обычная среднестатистическая женщина в возрасте за сорок. Но на самом деле я ходячая бомба замедленного действия.

Это может случиться в любую секунду. Можно ждать недели, даже месяцы. И все спокойно. А потом – раз – и это происходит, когда ты потерял бдительность. «Не думайте об этом», – посоветовали мне. Легко сказать. Иногда это напоминает слова утешения актрисе после ее выступления, хотя она ни черта не запомнила из своей роли.

Поднявшись на цыпочки, я достаю с полки вторую бутылочку и добавляю иланг-иланг, или «жасмин для бедных». Быть на втором месте тоже неплохо. Во всяком случае, так я говорю сама себе.

Но будем честны. Из моей преисподней выбраться невозможно.

А теперь петитгрейн. Я осторожно беру третий пузырек, вспоминая урок, из которого узнала, что это масло делается из листьев горького апельсина. Смешать с грейпфрутом? Возможно. Все зависит от человека.

Все мы реагируем по-разному – особенно люди, принадлежащие к нашему «клубу». Разумеется, есть предосторожности, которые можно предпринимать, чтобы минимизировать опасность, однако в конечном итоге, если что-то пойдет не так, то плата за это – смерть. С ароматическими маслами нужно обращаться с уважением, чтобы снизить возможные риски.

Я люблю ароматерапию. Ее магия помогает отвлечься от всего и расслабиться.

Но сегодня дело касается не меня, а моей новой клиентки. Хотя она не является моим товарищем по несчастью, на ее лице видны те же следы, что и у меня – легкие морщинки вокруг глаз, последствия смеха и слез, а под ними – небольшие припухлости, которые она попыталась замаскировать консилером.

Я молча восхищаюсь ее персиковой помадой. Сама я уже не утруждаю себя ничем подобным. Раньше я обычно пользовалась «Нежной бежевой», чтобы доказать свою женственность. У женщины передо мной светлые волосы, свободно собранные сзади, с одной выбивающейся прядью. Я бы многое отдала за то, чтобы иметь такой цвет. Школьное клеймо «рыжей-конопатой» до сих пор болезненно меня задевает. Но Дэвиду нравился мой цвет волос. «Мой собственный прекрасный Тициан», – любил повторять он.

На лице у моей клиентки и у меня красуются уверенные улыбки, говорящие «У меня все в порядке, правда». Но это не так, иначе она не была бы здесь. Так же, как и я.

– Мне просто нужно что-нибудь, чтобы расслабиться, – говорит женщина. – У меня сильный стресс.

Моя работа не предполагает психологического консультирования. Однако бывают случаи, когда мне хочется вступить в беседу и рассказать свою собственную историю, чтобы показать этим женщинам (клиентов-мужчин у меня никогда не было), что они не одиноки. Разумеется, такой поступок был бы весьма неразумным, потому что это могло бы отпугнуть моих клиенток. А они мне очень нужны. Не только для моего бизнеса. Но и чтобы доказать самой себе, что я на что-то гожусь.

Что случилось с той сильной, уверенной женщиной, какой я когда-то была? Той, которая умела за себя постоять. «Вики – железная женщина», – всегда говорили про меня. Но это осталось в моей прежней жизни.

Пора перейти к анамнезу моей клиентки.

– Вы не беременны?

Я обязательно должна задать этот вопрос, хотя в подписанной ею анкете указан возраст – сорок шесть лет, как и мне. Но беременность еще вполне возможна. Женщина издает короткий смешок.

– Это все уже позади. А почему вы спрашиваете?

– Некоторые масла, применяемые в ароматерапии, не подходят для беременных женщин, – объясняю я и быстро перехожу к следующему вопросу: – У вас нет высокого давления?

– Нет. Хотя, мне кажется, оно должно бы быть. А ваши вещества могут влиять и на это?

Женщина бросает подозрительный взгляд на верхние полки с выстроившимися на них пузырьками всех цветов радуги. Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. На мгновение я вновь ощущаю себя девятилетней девочкой из маленького северного шахтерского городка, где я выросла, которая отвечает учителю эту заученную последовательность. Некоторые вещи никогда не забываются.

– Нет, но мне нужно иметь полную информацию. Ароматические масла – это своего рода лекарства. – Я слышу, как с моих губ слетают слова моего учителя: – Они приносят пользу только тогда, когда применяются должным образом.

Мы уточняем еще некоторые детали. Женщина написала в анкете, что не имеет никаких проблем со здоровьем. Однако все-таки что-то меня настораживает.

– Можете раздеваться, – предлагаю я. – Я выйду из комнаты на несколько минут, чтобы вам было комфортнее.

Женщина явно нервничает. Впрочем, такое бывает со многими моими клиентками, никогда прежде не проходившими подобную процедуру. Я вижу, как она бросает взгляд на мой сертификат, висящий на стене, чтобы себя успокоить.

Вики Гаудман. ЧМФА. ИТЕС¹ уровень 3.

Член международной федерации ароматерапевтов. Иногда я сама в это не верю. Это, конечно же, совсем не то, что я планировала.

Когда я возвращаюсь в комнату, моя клиентка (или леди, как нас учили говорить) лежит лицом вниз на кушетке, в соответствии с моей предварительной инструкцией. Ее голые плечи, с родинкой на правой лопатке, очень худые. Костлявые. Кожа у нее холодная, хотя в это время года отопление у меня включено на полную мощность.

– В последнее время у меня совсем нет аппетита, – сказала женщина. – Я сильно похудела.

Да, после психотравмы такое случается. Или, наоборот, происходит быстрый набор веса. Со мной бывало и то, и другое. Я включаю сиди-проигрыватель. Звучит мягкая ангельская музыка. Умиротворяющая. Усыпляющая.

– Ммм, – произносит женщина изменившимся голосом, в то время как я ловкими массирующими движениями втираю масло вдоль ее позвоночника. – Как здорово вы это делаете. И мне нравится запах. Что это, напомним?

Я повторяю состав. Лаванда. Иланг-иланг. Петитгрейн. Сок грейпфрута.

– А как вы знаете, что нужно использовать? – спрашивает она, и ее голос звучит приглушенно из-за положения лицом вниз.

– Ароматерапия чем-то напоминает брачный союз, – объясняю я. – Нужно найти именно то, что подходит конкретному человеку. И мы должны следовать своей интуиции.

¹ Международная сертификация по косметологии и спа-терапии. – Здесь и далее: примеч. ред.

Раздается какой-то хриплый звук. Сначала я принимаю его за смех, но потом понимаю, что женщина плачет.

– Если бы я прислушивалась к своей интуиции, – всхлипывает она, – то, может, я сохранила бы свой брак.

И вот опять оно. Искушение открыться и рассказать о себе. Ты думаешь, что делаешь это, чтобы помочь клиентке почувствовать себя более комфортно. Но на самом деле ты идешь на поводу у собственного порыва. А потом приходится об этом жалеть. Во время следующего сеанса клиентка ощущает себя неловко. И ты тоже. Так что отношения здесь могут быть только деловые. Никакой дружбы.

Поэтому я удерживаюсь от огромного соблазна рассказать клиентке, что у нас с Дэвидом через несколько месяцев была бы шестая годовщина свадьбы. Я также стараюсь не напоминать себе о том, что сегодня День святого Валентина. И что на наш первый – и единственный – день влюбленных вместе он подарил мне небольшие серьги с кристаллами, которые я больше не в силах носить. Вместо этого я жадно вдыхаю аромат лаванды и представляю, как он окутывает мое тело защитным покровом.

– Иногда, – говорю я, массируя участки мышечных зажимов, – приходится пройти через тьму, чтобы добраться до света.

Я чувствую, как моя клиентка расслабляется. Мне бы хотелось думать, что это мои слова подействовали на нее успокаивающе. Но на самом деле это магия масел. Лаванда проникает и в мою кожу. С ароматическими маслами всегда так. Они верны себе. Они постоянны.

Не то, что любовь.

– У вас есть в жизни что-то, из-за чего вы испытываете постоянный стресс? – мягко спрашиваю я.

Женщина издает смешок, означающий, вероятно, «с чего бы начать?».

– Мои дети сводят меня с ума, особенно младший. Он абсолютно несносен.

– Сколько ему?

– Почти четыре. Но выглядит на десять.

Теперь уже моя кожа делается холодной.

– У него в школе случилась неприятная история – он укусил новенького мальчика в классе, и учителя говорят, что это моя вина. Они спросили, нет ли у нас насилия в семье.

Его точно нет? Этот вопрос остается невысказанным.

Женщина слегка поеживается на кушетке.

– А у вас есть дети?

Мои руки еще сильнее принимаются за ее мышечные зажимы.

– У меня есть сын. Ему тоже четыре.

– Как его зовут?

– Патрик.

– Он хороший мальчик?

Я думаю о фотографии, лежащей в моем кармане.

– Он замечательный.

– Вам повезло. А кто присматривает за ним, когда вы работаете?

Возникает небольшая заминка.

– Он остается с моим отцом.

– Правда? В наше время все чаще бывает, что бабушки и дедушки помогают с детьми.

Мои большие пальцы начинают давить уже со всей силы.

– Знаете, вообще-то больно.

– Простите.

Я ослабляю давление, правда, с некоторой неохотой.

После этого мы продолжаем молча, под звучащую фоном ангельскую музыку. Некоторые клиентки любят болтать весь сеанс. Другие не произносят ни слова. Многие начинают личную беседу, но потом останавливаются, как женщина. Возможно, в следующий раз она расскажет больше. У меня есть ощущение, что она придет опять. Однако мне бы хотелось, чтобы этого не произошло. Эта женщина слишком любопытна.

– Спасибо, – говорит она, когда я оставляю ее одеваться. Сама я тем временем возвращаюсь к своим записям. Беру ручку с фиолетовыми чернилами и описываю всю проведенную процедуру и точки, которым нужно уделить большее внимание. Мышечные зажимы очень неподатливые. Они часто связаны с зажимами в голове. После Дэвида мои плечи были одеревеневшими целый месяц.

– Вам лучше наличными или чеком? – спрашивает женщина.

– Чеком, пожалуйста.

Выписанный чек или электронный перевод позволяют точно знать, кто и когда мне заплатил. В бизнесе все должно быть прозрачно. Это я уяснила прежде всего.

Моя клиентка надевает пальто. На улице холодно. Ветер с грохотом бьется в окна.

– У вас тут уютно, – говорит она, осматриваясь и, словно только сейчас, перед уходом, все как следует разглядев.

– Спасибо.

Мне тоже нравится мой дом. Преимущество проживания в одиночестве состоит в том, что ты можешь устроить все исключительно по своему вкусу. Дэвиду нравился модерн. Я же выбрала квартиру, обустроенную на первом этаже викторианского дома. Мой бывший муж предпочитал черно-белую гамму. А мое кресло в рабочем кабинете покрыто шерстяной нежно-бирюзовой накидкой. В комнате мягкое освещение. На низком столике, собственноручно выкрашенном мной в кремово-белый цвет, выстроены в ряд ароматические свечи (опять же лавандовые). Светло-фиолетовый коврик, переезжающий со мной всегда, вместе с другими транспортабельными вещами, маскирует пятно на ковре под ним. Лестницы нет. Входная дверь ведет прямо на улицу напротив набережной. Мой дом для меня – островок покоя и безопасности. Все сделано на мой вкус.

– Я бы тоже с удовольствием работала на дому, – говорит моя клиентка. – Мне пришлось оставить работу в банке после рождения второго ребенка.

В этом есть и свои плюсы, и минусы. Иногда, при большой занятости, не удастся никуда выходить. У тебя нет офисных коллег, с которыми можно поговорить. Пошутить. Поделиться проблемами. Меня накрывает неожиданная волна одиночества.

– Можно договориться о следующем сеансе? – спрашивает клиентка.

– Конечно, – отвечаю я, давая себе слово, что в следующий раз ни за что не стану говорить на какие-либо личные темы. Никаких больше упоминаний о Патрике.

В этот момент раздается стук в дверь. Моя квартира имеет отдельный вход – для меня это было принципиально. Кроме того, с разрешения арендодателя, я отключила звонок. Резкие звуки плохо на меня действуют. Дверной молоток менее оглушителен. Но на этот раз его стук заставляет меня подпрыгнуть.

Кто это может быть в такой вечерний час? Неужели я забыла про следующего клиента? Обычно я очень внимательно все записываю, но за последнее время у меня случилась пара оплошностей.

– Вы не могли бы подождать минутку в кабинете? – прошу я клиентку.

Открыть дверь – не такое быстрое дело. На ней толстая дверная цепочка, и замок заперт, как всегда, на два оборота. Пока я пытаюсь найти ключ, в дверь снова стучат. Вот он, ключ, наконец, на пристенном столике. Я, выходит, опять забыла повесить его куда нужно – на крючок. Не очень хороший знак.

– Иду! – кричу я в ответ на очередное гроыхание дверного молотка.

В открытую дверь врывается хлесткий ветер с клочками тумана.

Я внимательно смотрю перед собой. На пороге стоит женщина, демонстрирующая мне свое полицейское удостоверение. Ее лицо несет на себе явный отпечаток стресса. В моей голове сразу же щелкает переключатель, и я мысленно начинаю готовить для женщины расслабляющую смесь. Лаванда. Возможно, еще лемонграсс.

Рядом с ней стоит мужчина, облаченный в бежевый плащ. Он выглядит рассерженным. Напряженным. Жизнь научила меня хорошо разбираться в языке тела. Правда, особой пользы мне это не принесло. Мои визитеры не похожи на потенциальных клиентов.

– Чем могу вам помочь?

– Вики Гаудман?

Я киваю, пристально глядя на этого слишком напористого мужчину.

– Бывшая супруга Дэвида Гаудмана? – продолжает он.

Я вновь киваю. На этот раз уже не столь уверенно.

Теперь он тоже демонстрирует мне свое удостоверение.

– Детектив-инспектор Гэрет Вайн. Это моя коллега, сержант Сара Браун. Мы можем войти?

Мое горло распирает от недоброго предчувствия. Я провожу руками по своим волосам, которые опять начала отращивать, чтобы создать «новую себя». Струйки пота текут по моей спине. Во рту пересохло.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Детектив игнорирует мой вопрос.

– Могу я узнать, когда вы видели своего бывшего супруга в последний раз?

Этот вопрос оказывается таким неожиданным, что меня охватывает полная растерянность. Моя правая носовая пазуха, всегда частично заложенная, внезапно, от сильного потрясения, начинает пропускать воздух. Я чувствую болезненный узел на дне желудка.

– Много лет назад. А в чем дело? – произношу я, ощущая во рту горький вкус желчи.

Женщина в форме пристально смотрит на меня. Взгляд у нее цепкий. Оценивающий.

– Нынешняя миссис Гаудман заявила об исчезновении своего мужа.

Иногда мне кажется очень странным, что какая-то другая женщина может зваться так же, как я, – тем более Таня, его бывшая секретарша, или «эта шлюха», как я порой ее мысленно именую.

– А сколько уже?.. Когда?.. С ним все в порядке?

Когда с моих губ срывается последний вопрос, я осознаю всю его нелепость. Если бы с Дэвидом все было в порядке, полицейские не явились бы сюда.

На сей раз отвечает инспектор:

– Именно это мы пытаемся выяснить. – Он потирает подбородок. – Дэвид Гаудман пропал пятнадцать дней назад. Его жена утверждает, что ничего подобного с ним ранее не случилось, поэтому сейчас мы прорабатываем несколько версий.

Мое тело начинает непроизвольно подергиваться. Стресс может служить мощным триггером. Так же, как недостаток сна или некоторые музыкальные частоты. Это было одной из первых полученных мной инструкций. Да, и если что-то идет не так, я не могу обеспечить ни собственную безопасность, ни безопасность кого бы то ни было.

– Вы только что сказали, что не видели своего бывшего мужа много лет, – продолжает детектив. – Не могли бы вы ответить точнее?

– С 2013 года. – Я нервно сглатываю. – Мы развелись тогда.

– Понятно.

Он говорит это с таким видом, как будто ему ничего не понятно. Или наоборот – понятно слишком многое.

– А где вы были 31 января этого года?

Это легко. Я редко покидаю это место.

– Здесь. Дома. Или, возможно, на набережной. Я обычно гуляю там раз в день, чтобы подышать воздухом.

– Это может кто-нибудь подтвердить?

Я смотрю на него твердым взглядом.

– Нет. Я живу одна.

– Возможно, кто-то из друзей видел вас во время прогулки?

– Я пока еще не обзавелась ими здесь.

– А вы не хотите заглянуть в свой ежедневник?

– В этом нет необходимости.

Повисает недолгая тишина, во время которой я заставляю себя ничего больше не говорить, чувствуя, что все мои слова прозвучали не очень убедительно.

– Вы не возражаете, если мы осмотрим квартиру? – спрашивает женщина.

– У меня сейчас клиентка, – говорю я.

– Ах, да. Вы же массажистка, насколько я понимаю?

Она произносит это таким тоном, будто я оказываю совершенно иные услуги. Уже не в первый раз я сталкиваюсь с подобным заблуждением относительно своего рода занятий.

– На самом деле я ароматерапевт.

Детектив смотрит на меня с недоумением. Люди, незнакомые с альтернативной медициной, могут понять все совсем неправильно.

– Я делаю массаж с использованием эфирных масел.

Словно по команде, в этот момент за моей спиной раздается извиняющееся покашливание. Моей клиентке явно надоело ждать.

– Вы сейчас, кажется, заняты. – Она бросает нервный взгляд на моих визитеров. – Лучше я позвоню вам потом насчет следующего сеанса.

Женщина выскальзывает из дома в темноту. Я подозреваю, что больше не увижу ее. Хотя мне и не хотелось, чтобы она появлялась снова, меня охватывает сильная тревога. Она точно разболтает все, что услышала.

Я жестом приглашаю полицейских пройти в кабинет, лихорадочно пытаюсь вспомнить, не забыла ли я закрыть люк в подвал. К счастью, не забыла.

Они подозрительно оглядывают пузырьки, стоящие на полке над моим столом.

– Вы сами готовите свои снадобья? – спрашивает женщина.

Я с трудом удерживаюсь от улыбки, услышав это слово, отдающее колдовством или черной магией.

– Это эфирные масла. Я покупаю их в интернет-магазине.

– А для чего они вообще? – спрашивает детектив.

Именно этот вопрос я задала бы в первую очередь.

– Они помогают расслабиться. Привести в порядок мысли. Восстановить силы.

Женщина берет с полки пузырек с маслом лаванды и вдыхает его аромат.

– Всегда хотела попробовать нечто подобное.

– Я могу дать вам свою визитку, если хотите.

– Спасибо, мы знаем, где вас найти.

Ну, разумеется.

– Так, значит, вы работаете на дому? – спрашивает мужчина.

– У меня все оформлено. – На этот раз мой голос звучит так, словно я в чем-то оправдываюсь.

«Осмотр» моего жилища занимает немного времени. Это небольшая одноэтажная квартира из двух спален (одна из которых превратилась в мой рабочий кабинет), а дом располо-

жен у самой набережной, «давая чудесную возможность постоянно наслаждаться красотами Пензанса», как рекламировали это место агенты по недвижимости.

– Чудесный вид, – произносит женщина, глядя на море из окна моей спальни.

Да, именно поэтому я здесь поселилась. Этим утром море было необыкновенным, восхитительно лазурным. Вчера – зеленым. А позавчера – черным. Плавать для меня было слишком опасно, даже если бы у меня был гидрокостюм, как у некоторых местных жителей.

– Значит, вы не скучаете по жизни в большом городе?

Они как будто нарочно отвлекают меня от цели своего визита.

– Так что с Дэвидом? – отчаянно спрашиваю я. – Где он был до того, как пропал?

Женщина быстро поворачивается ко мне.

– Мы надеялись услышать это от вас.

– Но откуда мне знать?

– Послушайте, Вики. – На этот раз говорит детектив. Его голос льется, как скользкий шелк, распространяя вокруг волны подозрения. – Миссис Гаудман сообщила нам, что видела вас возле их дома в Кингстоне накануне Рождества. – Он достает записную книжку: – «Она стояла у ворот и смотрела на наш дом» – вот дословно, что она нам сказала.

– У меня была встреча с моим консультантом, – с жаром говорю я.

Детектив прищуривает глаза.

– В Лондоне? Как-то далековато.

Я пожимаю плечами.

– В общем-то в пригороде. Это было неподалеку от моего бывшего дома, вот я и решила пройти мимо. Просто ностальгия. Понимаете? С каждым может случиться.

Я замечаю, как по лицу женщины-сержанта скользит тень сочувствия.

– Они выкопали мои розы и вместо них сделали отвратительный рокарий², – добавляю я. Мне никогда не нравились рокарии. Слишком уж напоминают кладбище.

– Вы можете это доказать?

– Насчет роз?

– Насчет вашего визита к «консультанту». – Голос детектива звучит раздраженно, будто он думает, что я насмехаюсь над ним, рассказывая про розы. Но это не так. У меня и в самом деле до сих пор сердце кровью обливается при мысли о розах. Это был сорт «Пис». Невероятно красивые кремовые бутоны с потрясающим ароматом.

Я беру свою адресную книгу и выписываю оттуда имя и телефон.

– Вот. Позвоните по этому номеру.

– Непременно.

– А там гостиная, – говорю я, опасаясь, что полицейские возьмутся за слишком тщательный осмотр другой комнаты.

Мы проходим в маленькую гостиную с диваном, накрытым бирюзовой накидкой (такой же, как и на моем кресле в кабинете).

– У вас нет телевизора? – замечает женщина, окидывая взглядом комнату.

– Нет.

Она поднимает бровь, а потом протягивает мне свою визитку. Я бы с удовольствием отказалась от нее – так же, как она отказалась от моей.

– Если получите какие-то известия от вашего бывшего мужа, пожалуйста, сразу же дайте нам знать.

Я киваю. Вайн жмет мне на прощание руку, и полицейские уходят. Я закрываю замок на два оборота, накидываю дверную цепочку и бегу в спальню.

² Рокарий – небольшой по размеру каменистый сад, в котором камни составляют главный элемент композиции, а растения лишь дополняют ее.

Затем хватаю свой телефон и набираю номер, прочно отпечатавшийся в моей голове.

«Это Дэвид. Вы знаете, что делать».

Голос моего бывшего мужа глубокий. Бархатный. И такой успокаивающий, несмотря ни на что, своим знакомым звучанием.

– Пожалуйста, ответь, – с трудом удастся произнести мне. – Это я.

Глава 2

Скарлет

8 марта 2007

Какая умная, взрослая девочка! Так всегда говорила мама. И никто им больше не нужен. Им хорошо и вдвоем. Они настоящая команда. Особенно в том, что касалось игры.

А игра была трех типов: «качели», «качалка» и «прятки». Скарлет больше всего нравилось последнее.

– Но иногда, солнышко, нужно играть и в другие, – говорила ей мама в своей певучей манере, которую она унаследовала из места под названием Вейлз.

– А зачем?

– Ты еще слишком мала, чтобы это понять.

– Но ведь я выгляжу старше, правда? Потому что я высокая, как папа.

– Да, – бормотала мама. Потом она опускалась на колени рядом со Скарлет и крепко обнимала ее. Иногда мама заплетала ее темные волосы в аккуратные маленькие косички. Скарлет любила это больше всего. Ей так нравилось вдыхать мамин запах. Он всегда был один и тот же. Па Чу Ли. Так было написано на бутылочке маминых духов. П-А-Ч-У-Л-И.

На уроках английского Скарлет делала большие успехи. Ее навык чтения был на уровне одиннадцати, а не восьми лет. Так говорил ее учитель. «У нас дома полно книг, – гордо сказала ему Скарлет, и он удивился. – Моя любимая – “Алиса в Стране чудес”, – добавила она. – Эта книжка осталась у мамы с детства. Она читает мне ее каждый вечер».

Что-то заставило Скарлет умолчать о том, что чтение случалось только тогда, когда мама выкуривала свою волшебную сигарету и становилась очень веселой.

И вот эти «качели». Жутковатая игра! Никогда нельзя было знать, кто подойдет сзади и начнет раскачивать. Мама была в это время где-то рядом. Она всегда говорила это Скарлет. Но они не должны были видеть друг друга, потому что это испортило бы игру. Все, что требовалось от Скарлет, – это сидеть на качелях и делать вид, что человек, раскачивающий их, ей знаком. Даже если это не так.

Потом ей следовало сказать: «Вот бы чего-нибудь поесть». Она обязательно должна была произнести это громко – на тот случай, если кто-то еще стоял неподалеку и слушал.

Ответ был всегда одинаковый: «Опять?»

После этого Скарлет наконец поворачивалась и видела стоящего позади человека.

Это могла оказаться женщина. Или мужчина. Иногда от них пахло пивом, или мочой, или старым шкафом – вроде того, что был у них с мамой. Но они всегда делали одно и то же. Давали ей чипсы. Только не в обычной пачке, а в тубе с пластиковой крышкой. Тогда Скарлет переставала на время раскачиваться, открывала упаковку и, съев верхний ломтик, возвращала крышку на место. Она всегда была рада полакомиться чипсами. Если только они не были испорченными.

«А теперь верни старую упаковку», – говорил человек, и она отдавала ему пустую тубу из своей розовой сумочки, которую мама купила ей специально для игры, потому что у Скарлет все так здорово получалось.

Потом человек еще несколько раз толкал качели. И когда Скарлет оборачивалась, чтобы посмотреть, почему он перестал качать, там уже никого не было.

После этого ей следовало идти к выходу из парка, где ее ждала мама.

– Где ты была? Я так беспокоилась!

Скарлет знала, что нужно отвечать.

– Я была на качелях. Меня там покачал какой-то человек.

– Сколько раз я тебе повторяла! Не разговаривай с незнакомыми людьми!

Однако Скарлет несколько не огорчалась, потому что все это было частью игры, выдумкой – так же, как и все эти истории в ее книжках. Мама вовсе не сердилась на нее. Она просто притворялась!

Когда они возвращались домой, мама нетерпеливо вытаскивала тубу из сумочки Скарлет. Правда, никаких чипсов там не было. Там была целая куча десятифунтовых купюр.

Затем они устраивали пир, съедая на ужин рыбу с жареной картошкой. От вкусного соуса у Скарлет щипало язык. Потом мама закуривала сигарету и открывала бутылку вина.

– Выпей глоточек, – говорила она. – Будешь лучше спать.

Ну и гадость! Но Скарлет все равно выпивала, чтобы быть хорошей девочкой.

Иногда вместо упаковок из-под чипсов они использовали пустые алюминиевые банки. Мама говорила, что так интереснее – время от времени что-то менять для разнообразия. Однако для другой игры, «качалки», тоже хорошо удававшейся Скарлет, не требовалось ни банок, ни упаковок из-под чипсов. Приятнее всего то, что в этом случае можно сразу видеть другого человека. Так что все было не так страшно, как на качелях. Тот, кто сидел на другой стороне качалки – девочка или мальчик, – начинал очень быстро раскачиваться вверх-вниз. У Скарлет от этого голова шла кругом. Но ей нужно было крепко держаться и следить за тем, чтобы маленький пакет, лежащий в кармане ее джинсов, не вывалился оттуда.

Потом она должна была упасть на землю, но очень осторожно, чтобы не ушибиться. «И обязательно плачь как можно громче, – объясняла ей мама. – А когда тот мальчик или девочка подбежит тебя поднять, тебе нужно успеть незаметно поменяться с ним пакетиками».

Эта задача была сложнее, чем с упаковкой из-под чипсов на качелях. «Только такой профи, как ты, может с этим справиться», – говорила мама.

Скарлет не совсем понимала, кто такой профи, но ей нравилось, как это звучало. Тем более что мама часто давала ей блестящую фунтовую монетку за принесенный пакет с десятифунтовыми купюрами. Иногда, закончив пересчитывать деньги, мама даже разрешала Скарлет потрогать их. Они были хрустящие, как осенние листья.

Но самой интересной игрой были «прятки». Они занимались этим в торговом центре. Скарлет это нравилось больше всего, потому что там было тепло зимой и еще потому, что там они ходили вместе с мамой. С ней она чувствовала себя в безопасности.

Сначала они устраивали нечто под названием «розыгрыш». Это означало, что они примеряли в магазине одежду, но ничего не покупали.

«А ну-ка покрутись, – говорила ей обычно мама, когда продавщица появлялась в примерочной, чтобы предложить свою помощь. – Красавица моя!»

Потом Скарлет смотрела на себя в зеркало, откидывая назад свои косички с маленькими красными бусинами и не переставая удивляться тому, что ее кожа темнее, чем у мамы. Как говорила мама, это потому, что ее папа был из страны под названием Тринни Дад.

«А где сейчас мой папа?» – иногда спрашивала Скарлет.

Но ответ оставался всегда одним и тем же: «Не знаю и знать не желаю. Нам ведь хорошо и без него, правда?»

Так вот, про игру. Однажды к ним в магазине подошла немолодая женщина, представившаяся модельным агентом: «Ваша девочка стала бы великолепной моделью». Но мама сказала, что ничего подобного им не нужно, и поспешила утащить Скарлет за собой. «Мы не должны привлекать к себе внимание», – объяснила она. Тогда это чуть не испортило им игру.

Обычно после еще нескольких примерок мама потихоньку уходила. Затем Скарлет начинала плакать. Это называлось «разыгрывать роль», как говорила мама. И Скарлет знала, что это слово пишется как «роль», а не «роль».

Потом кто-нибудь из продавцов или покупателей спрашивал у нее, что случилось.

Именно в этот момент в магазине появлялась запыхавшаяся женщина. Скарлет должна была делать вид, что знает ее. «Ага, ты здесь, детка. Твоя мама попросила меня прийти за тобой, она сама что-то не очень хорошо себя чувствует».

Следующая часть игры требовала некоторой ловкости. Когда они шли к выходу, женщина давала ей носовой платок. Вытерев им нос, Скарлет убирала его в карман. Женщина просила отдать ей платок, чтобы его выкинуть. Однако Скарлет возвращала ей другой платок. В первом из них лежала купюра в целых 50 фунтов, которые она должна была отнести маме. А во втором – полиэтиленовый пакетик с белым порошком.

Однажды игра чуть не провалилась из-за того, что продавщица попросила женщину показать удостоверение личности.

– Да за кого вы меня принимаете? – возмущенно воскликнула та. – Я что, по-вашему, похожа на похитительницу детей? Ну же, Скарлет, детка, скажи ей!

– Это моя тетушка Джули, – произнесла Скарлет, помня, чему учила ее мама.

Продавщица покраснела и стала извиняться, говоря, что в наши дни лучше иногда проявить излишнюю бдительность.

Так что в тот раз им нужно было действовать с особой осторожностью, чтобы не попасть в поле видимости видеокамеры во время трюка с обменом платков.

А потом стряслась та среда.

Обычно среда была любимым днем Скарлет в школе. В этот день разрешалось выбрать в библиотеке любую книгу и читать ее самостоятельно в классе, в то время как учитель проверял их письменные работы и выставлял оценки. Вокруг всегда было очень шумно, потому что другие дети не слишком любили чтение и вместо этого затевали игры. Однако мама научила Скарлет не обращать внимания на шум.

В их доме без этого было никак. Их соседи то и дело колотили по стенам кулаками, кричали или включали громкую музыку. Но книга развеивала весь этот шум – особенно та, что с картинками. Однажды, когда ей попалась книжка без картинок, Скарлет сама сделала рисунок на одной из страниц. Это был единственный раз, когда учитель на нее рассердился.

Однажды они с мамой играли в прятки в универмаге «Селфриджес». Там продавалась уйма всего, и находился он в шикарном районе Лондона, далеко-далеко от Хакни. Скарлет даже чуть не забыла, что ей нужно разыграть, будто она потерялась: уж очень красивая там была одежда, из очень нежных тканей. «Когда-нибудь, – сказала мама, и глаза у нее заблестели, – мы сможем купить себе такие вещи».

Но в ту среду все пошло как-то не так: мама не захотела, чтобы Скарлет гладила ее по волосам, и не стала подпевать, как обычно, песням по радио. И еще она была очень раздосадована тем, что у них закончился хлеб.

– Ничего страшного, – сказала Скарлет, хотя в животе у нее урчало от голода. – Я подожду до ланча.

(Другие дети называли его «обедом», но мама говорила, что это неправильно.)

– Это не поможет. Сегодня ты не пойдешь в школу.

– Но у нас ведь будет библиотечный день и «Час новостей».

– Забудь об этом. Сегодня мы должны поиграть в «качели». Не смотри на меня так. Если мы быстро закончим, ты сможешь прийти в школу попозже. Просто скажешь, что была у зубного.

– Но я говорила это в прошлый раз.

– Тогда скажи, что была у врача. Поняла?

– Они спросят у меня письмо с подтверждением.

– Я напишу тебе это письмо, когда будет время. А сейчас хватит спорить, и делай, что я говорю.

Скарлет поежилась – и не только потому, что было холодно.

– Вот, надень это, – сказала мама, вручая ей большую, пушистую, желтую флисовую куртку.

– Ого! Совсем как та, которую мы видели на рынке!

Рынок был одним из самых любимых мест Скарлет. Там продавали всякую всячину.

Мама посмотрела на нее с довольным видом.

– Я купила ее для тебя, потому что ты хорошая девочка.

Потом она протянула Скарлет тубу из-под чипсов, которую следовало положить в розовую сумочку. Крышка оказалась приоткрытой.

– А почему там внутри сахар?

– Не трогай!

Мама быстро защелкнула крышку.

– Прости.

Лицо мамы снова сделалось ласковым.

– Это ты меня прости, солнышко. Просто у меня голова совсем идет кругом. Знаешь что – как насчет того, чтобы переехать куда-нибудь?

Они часто мечтали о переезде. Это тоже было частью игры.

– А куда?

– Куда-нибудь в теплые края, – глаза мамы затуманились, как бывало, когда она только что проснулась. – У нас будет дом у моря, и мы с тобой станем строить на берегу песочные замки.

– А мы сможем есть мороженое? Такое, с шоколадной крошкой, которая прямо тает во рту?

Мама подхватила Скарлет и прокрутила ее в воздухе.

Вид у нее был уже не мечтательный, а сосредоточенный и возбужденный.

– Сколько угодно.

– Ура!

– Но для этого нужно обязательно соблюдать все правила игры. Сечешь?

Скарлет торжественно кивнула:

– Секу.

Говоря это, она чувствовала себя по-настоящему взрослой.

Они вышли из квартиры и спустились по крутой лестнице мимо надписи, сделанной большими красными буквами: «Сук...». И там была еще одна буква, закрашенная. «Такие слова знать не надо», – всегда говорила мама.

– Осторожно, не наступи на собачье дерьмо. Прыгай! Молодец. Держись за мою руку, когда переходим дорогу. Тебе не холодно? И, главное, не забудь, что ты должна говорить.

Однако все это время Скарлет думала только о книге с красивыми картинками, которую могла бы сейчас читать в школе.

Капельки дождя затекали за воротник ее новой куртки.

– Немножко накрапывает, – сказала мама и поцеловала Скарлет. Как всегда, «Па Чу Ли», смешанные с запахом сигарет.

– Давай, иди. Встретимся у ворот.

Скарлет побежала к качелям. Там никого не было. Даже мамочек с малышами, которые еще не ходят в школу. Она оттолкнулась ногами от земли, чтобы раскачаться. Вперед. Назад. Ждать. Ждать.

– Тебя покачать, крошка?

Голос звучал так же мягко, как у того человека, что приходил к ним накануне вечером. Это означало, что он был с «юго-запада».

Назад. Вперед. Назад. Вперед. Не забудь, что нужно говорить.

– Я хочу есть, – сказала Скарлет.

– Хочешь чипсов?

Она остановилась. Человек дал ей тубу. Скарлет достала из своей сумочки такую же, только с сахаром. Как только она передала ее мужчине, раздался крик.

– Эй, вы, стоять! – К ним бежал какой-то человек. – Вы задержаны по подозрению в незаконном обороте запрещенных веществ...

– Нет. Нет!

Внезапно появилась мама, но к ней тотчас подбежала женщина в полицейской форме и остановила ее. Другая женщина попыталась взять Скарлет за руку.

– Пойдем, детка. Все в порядке.

– Отпустите ее!

– Мама! Вернись!

– Скарлет! Скарлет! Дайте мне поговорить с моей маленькой девочкой, вы, ублюдки! – Эти крики пронзали уши Скарлет, пока полицейские пытались утащить маму прочь.

Может, это тоже было частью игры?

– Все в порядке, детка, – произнес полицейский. – С тобой все будет хорошо. Пойдем со мной.

– Не трогайте меня!

Мужчина убрал руку, но Скарлет успела вонзить в нее свои зубы.

– А ну не кусайся, котенок.

Ее посадили в одну машину, а маму – в другую. Машина со Скарлет поехала первой.

«Пустите меня к маме!» – рыдала она, колотя кулаками по стеклу. Но ее увозили все дальше и дальше, и машина, где сидела мама, превратилась уже лишь в черную точку.

В конце концов она и вовсе пропала из виду.

* * *

Роза. Нероли. Сандаловое дерево. Иланг-иланг. Пачули. Все они, как считается, обладают свойствами афродизиаков.

Работают ли они? Можно сказать и так.

Иногда я все еще люблю его. В другие дни я его ненавижу. А сейчас я хочу, чтобы он умер. Так было бы намного проще. Тогда он не мог бы принадлежать никому другому.

Глава 3

Вики

«Это Дэвид, – говорит ровный, хрипловатый голос. – Вы знаете, что делать».

Но я не знаю. На самом деле, я уже ничего не знаю с тех пор, как все произошло. Я откладываю телефонную трубку.

Стоп. Не нужно об этом думать. Иначе стресс может подействовать как спусковой крючок. «Это» постоянно рядом с тобой, изо дня в день. У тебя возникает обманчивое ощущение, что все в порядке, но потом вдруг – раз! – и оно опять бьет тебя как обухом по голове.

Глубокий вдох. Уже лучше. Нужно все спокойно обдумать. Не попробовать ли позвонить снова? Может, на этот раз он ответит. Хотя мой бывший муж сказал, что больше не хочет меня ни видеть, ни слышать, я по нему скучаю. Поэтому иногда я звоню ему – просто чтобы услышать его голос на автоответчике. А сейчас к тому же на то есть веская причина. Так что я позволяю себе набрать номер еще раз.

«Это Дэвид...»

Глубокий, уверенный голос моего бывшего мужа возвращает меня в тот вечер, когда мы познакомились. Это был благотворительный ужин в поддержку программы социальной адаптации бывших заключенных, и начальство недвусмысленно дало мне понять, что мое присутствие там было бы «крайне желательным».

Дэвид Гаудман (как было написано на табличке) опаздывал, поэтому справа от меня место пустовало, и мне приходилось ограничиваться общением с немногословной женщиной, сидевшей слева. Когда Дэвид наконец объявился, он принялся рассыпаться в извинениях и был невероятно галантен и обаятелен. Он не захотел разговаривать о своей работе – девелопменте недвижимости: намного интереснее, как оказалось, ему было узнать обо мне.

– Расскажите мне о своей жизни, – прямо попросил Дэвид.

Он слушал, подперев щеку правой рукой, с таким видом, будто перед ним сидит единственный человек, которому он готов внимать на всем белом свете. «Интересно, сколько ему лет», – невольно подумала я. Легкие линии морщин на слегка загорелом лице указывали на возраст где-то под сорок – мой ровесник. Нос с небольшой горбинкой, как ни странно, не портил его. Возможно, это последствия спортивной травмы. По его виду можно было предположить, что он играл в регби.

– Потрясающе, – сказал Дэвид, когда я закончила свой краткий рассказ.

Его карие глаза с зеленоватым ободком внутри пристально смотрели на меня. В них было что-то очень необычное. Да, именно! Они не мигали, и это придавало особую выразительность его взгляду. Но больше всего меня поразило его глубокий голос. В нем чувствовался смех – то, чего так долго мне не хватало! Он, казалось, совсем не сочетался с его волевым, четко очерченным подбородком. Я едва удержалась от охватившего меня искушения провести пальцем по его едва заметной щетине, в то время как он продолжал говорить.

– Мне бы хотелось узнать о вас больше, Вики. Я могу вас так называть? – Он мельком взглянул на стоявшую передо мной табличку.

Дэвид пробыл на ужине до самого конца, когда все важные персоны и пресса уже разошлись.

– Не знаю, может быть, у вас найдется время, чтобы выпить со мной чего-нибудь? – спросил он. – Я живу тут неподалеку. – Дэвид поднял одну бровь: – Моя бывшая жена всегда говорила, что я неплохо управляюсь со штопором и кофемашиной. Один из моих немногих плюсов, наверное.

Бывшая жена. Я бросила взгляд на его левую руку. Кольца нет. К моему смущению, Дэвид это заметил.

– Свободен, – сказал он с восхитившей меня прямоотой. – А вы?

– Тоже.

Иногда мы совершаем абсолютно несвойственные нам поступки. Это может произойти с любым из нас – я всегда говорю себе это. Или, возможно, моя смелость в тот вечер была вызвана словами, которые произнесла одна из наших девушек, увидев меня такой разодетой – в туфлях на каблуках и лаймово-зеленом костюме, казалось, сочетавшемся с моими волосами: «На свободу сегодня?»

Она явно почувствовала, насколько мне не по себе. Внешний мир действует пугающе после длительного пребывания в тюремных стенах.

Шагая к выходу, я слышала за своей спиной хихиканье и словечки вроде «лесбуха».

Видели бы они меня в тот момент!

* * *

– А ты не такая, какой показалась мне сначала, – сказал Дэвид позже.

Мы лежали лицом друг к другу в его огромной постели в просторном лофте – в здании с невероятно сложной системой безопасности на входе – с видом на «Лондонский глаз»³. Я знала, что у меня могут быть проблемы из-за опоздания, но предпочла проигнорировать занудный голос разума, сказав себе, что имею право провести время в свое удовольствие.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я.

Меня всегда интересовало, что обо мне на самом деле думают другие люди. Но редко кто решается высказывать правду в лицо. Вместо этого на меня бросают странные косые взгляды. Со смесью любопытства и опасения. Может, даже страха.

– Ты более... – Он заколебался. – Я хотел сказать «женственная», но это прозвучит как-то пренебрежительно.

– Да, – согласилась я. – Именно так.

Дэвид погладил меня по лицу, словно стараясь запомнить на ощупь мою кожу или очертания моих губ.

– Хорошо, можно я попробую еще раз? Ты сильная. Тебе пришлось преодолеть столько, сколько не выпадает на долю большинства женщин – и мужчин.

Я почувствовала, что начинаю нервничать.

– Надо полагать. Последние несколько лет выдались нелегкими.

Он кивнул:

– Не сомневаюсь.

У меня давно уже ни с кем не было такого откровенного разговора. Несмотря на некоторую неловкость, я чувствовала облегчение от того, что рядом со мной находился человек, казалось, понимавший меня.

Его правая рука скользила по моей спине.

– Ты жалеешь о чем-нибудь в своей жизни?

Ощукая прикосновения Дэвида, я с трудом могла думать о чем-либо другом. Мне казалось, будто этот человек знал уже каждый изгиб моего тела, хотя мы были с ним едва знакомы.

– Да, – прошептала я. – А ты?

– Кое о чем – если я позволю себе размышлять об этом. Но я этого не делаю. – Дэвид повернулся и откинулся на спину. Без соприкосновения с его телом мне стало холодно, хотя в комнате было включено центральное отопление. – Предпочитаю, чтобы я был постоянно занят.

Теперь настал мой черед задавать ему вопросы. Физическое притяжение – это, конечно, хорошо, но для длительных отношений важно то, что лежит глубже. Я поймала себя на этой

³ Колесо обозрения в Лондоне.

мысли. Длительных отношений? Что мне вообще лезло в голову? Я едва знала этого человека. Так же, как и он меня. Я хотела сказать ему, что я не из тех женщин, которые ложатся в постель с мужчиной на первом свидании. Но это была слишком избитая фраза. Правда в том, что мне просто нужно было это сделать. Что бы за этим ни стояло – подсознание, физиологическая потребность, одиночество или желание доказать, что у меня может быть мужчина, если я этого захочу. В любом случае, произошло то, что произошло. И теперь я хотела узнать о Дэвиде Гаудмане все. Я чувствовала, что в нем крылось намного больше, чем могло показаться на первый взгляд.

– Как ты начал свой бизнес? – спросила я.

– Всего лишь упорный труд и везение. Мой отец уговорил меня поступить на службу в армию, что я и сделал, но это оказалось не для меня. – По его лицу скользнуло странное выражение, и я подумала о том, какие ужасы ему довелось увидеть. – Я ушел из армии, как только появилась возможность, и стал работать с парнем, с которым познакомился во время службы: он к тому времени вернулся в Америку и вел там свой бизнес. Ему нужен был представитель в Великобритании, и так я занялся ленд-девелопментом. У него имелся капитал, а я обладал настоящей жилкой, чтобы устраивать выгодные сделки. В конце концов, мне удалось открыть собственный бизнес. – Дэвид развел руками. – Ну а остальное, как говорится, уже история!

Услышанное произвело на меня впечатление.

– А чем ты занимаешься помимо работы? – спросила я.

Дэвид рассмеялся:

– Я работаю практически постоянно. У меня остается не так много времени для личной жизни, но вообще я люблю активный отдых.

– Я тоже. Свежий воздух просто необходим.

Он одобрительно кивнул:

– Согласен. Ты любишь гулять?

Я вспомнила длинные коридоры и спортивную площадку с беговой дорожкой.

– Сейчас не слишком много возможностей для этого.

Глаза Дэвида сделались мечтательными, будто он перенесся в этот момент куда-то далеко.

– Я люблю Дартмур.

– Я тоже!

– Какое твоё любимое место там? – Он приложил палец к моим губам. – Нет. Подожди. Давай скажем одновременно. Раз, два, три...

– Хайтор, – выпалили мы оба. Дэвид повернулся ко мне, и мы разразились удивленным смехом, прижавшись друг к другу.

– Мне нравится забираться туда и смотреть вниз, – сказал он. – Чувствуешь себя словно на вершине мира.

– Точно. Только спускаться оттуда мне приходится на попе – иначе никак.

Дэвид легонько меня шлепнул.

– Хотел бы я это увидеть.

– Что еще?

– Что еще я хотел бы увидеть?

– Нет. – Я хихикнула. Мне уже много лет не доводилось чувствовать себя такой беззаботной. – Чем еще ты занимаешься, помимо работы и прогулок?

– Раздаю свои деньги. – Дэвид засмеялся, увидев скептическое выражение моего лица: – Правда. Это доставляет мне удовольствие. Я твердо убежден, что человек должен делиться с другими, если ему самому повезло в жизни.

В моей голове мелькнуло воспоминание о бездомном продавце газет, попавшемся мне по дороге в тот вечер.

– И кому ты помогаешь?

– Я предпочитаю иметь дело со скромными проектами, не получающими большого финансирования. Один из моих самых любимых – это организация праздников для детей из бедных районов. И еще есть хоспис в Оксфордшире. Кстати, завтра я как раз еду туда, на открытие нового корпуса. – Дэвид потянулся за брошюрой, лежавшей на прикроватном столике с моей стороны, и коснулся моей груди. – Моя мама умерла от рака, когда мне было двенадцать. Мы с отцом ухаживали за ней до последних дней. Может, это было бы не так тяжело, если бы тогда был такой хоспис.

Огромный ком подступил к моему горлу.

– Мне очень жаль.

Он сделал один из жестов, говорящих «мол, все в порядке». Однако я почувствовала, что ему до сих пор больно.

– Моя мама тоже умерла от рака, – выдавила я. – Мне было восемь.

Между нами вдруг возникла особая близость. Какой не было до этого, несмотря на страстный секс.

– Я хотел бы снова увидеться с тобой, – сказал Дэвид. – Как ты думаешь, это возможно?

Я подумала обо всех правилах и ограничениях, которым должна была подчиняться моя жизнь, и ответила:

– Надеюсь, что да.

* * *

В течение нескольких следующих недель он звонил мне каждый вечер и водил на ланч в те дни, когда мне удавалось вырваться – сделать это в вечернее время было гораздо сложнее. Мы обычно ходили в сдержанно роскошные ресторанчики, прятавшиеся в тех уголках Лондона, где я прежде никогда не бывала. Кроме того, Дэвид ездил на «Порше»! Но, как я заметила, он был осторожным водителем – все время поглядывал в зеркала. Он не любил разговаривать во время вождения, предпочитая сконцентрироваться на дороге. Мне это нравилось.

Дэвид никогда не высказывал мне своего осуждения и не спрашивал, почему я совершала те или иные поступки. Напротив, он дал мне почувствовать себя особенной, чего никто никогда прежде не делал. Он раскрепостил мое тело. Так же, как и мой разум. Дэвид был хорошо начитан. Мы оба обожали рассказы Сомерсета Моэма и однажды ходили на публичное чтение одной из его пьес в Британской библиотеке. Как и я, Дэвид совершенно не умел рисовать, однако он восхищался искусством, о чем свидетельствовали огромные красочные картины современных художников на стенах его квартиры. Он был человеком, очень серьезно относившимся к своим хобби. И еще Дэвид терпеливо выслушивал меня, когда я позволяла себе плакаться из-за всего того, что приходилось выносить каждый день. «Ты самая сильная женщина из всех, кого я когда-либо знал. Ты единственная и неповторимая. Я никогда не встречал никого, похожего на тебя. И не думаю, что когда-нибудь еще встречу».

Такие мужчины, как Дэвид, имеют по несколько любовниц. Это говорил мне здравый смысл. Но в тот момент ему нужна была именно я.

Два месяца спустя мы с Дэвидом поженились, и одним из наших свидетелей был тюремный офицер. Единственное, о чем я сожалела – что моего отца не было тогда рядом.

* * *

На этом придется закончить с воспоминаниями. Стресс действует очень плохо. Сколько раз мне об этом твердили!

Лаванда. Скорее. Спасительная лаванда. Я беру бутылочку с маслом, стоящую на столике возле дивана. Делаю три глубоких вдоха. Теперь нужно помассировать активные точки, втирая

масло. В области носовых пазух. За ушами. Над бровями. На макушке. Две точки на задней части шеи. Массировать, пока не прекратится боль. Так нас учили на курсах.

Внезапно я чувствую огромное желание погрузиться в глубокую теплую ванну с маслом флердоранжа. Душ – это совсем не то. Там невозможно лечь и расслабиться. Сиди спокойно – говорю я себе. Мне с трудом удастся удержаться от искушения снова набрать номер Дэвида, чтобы услышать его голос. Куда же он все-таки подевался? Впрочем, разве не было подобных его исчезновений во время нашего брака?

Память возвращает меня в то время, месяц спустя после нашей свадьбы. Именно тогда все уже начало разваливаться.

«Мне нужно было уехать по важному делу, – как ни в чем не бывало заявил он, после того как от него два дня не было ни слуху ни духу. – Я же тебе говорил. Ты разве не помнишь?»

Нет. Ничего подобного я не помнила.

«Это потому, что ты устала».

Чепуха! С моей памятью все было в полном порядке.

«Я говорил тебе об этом», – настаивал Дэвид. Однако я не могла видеть его лица, потому что этот разговор – как часто случалось – происходил по телефону. И даже если бы мы в этот момент стояли лицом к лицу, то, возможно, мне все равно не удалось бы уличить его во лжи.

В конце концов я поняла, что было проще соглашаться со всем этим, чем пытаться что-либо доказать. Возможно, сейчас, сказала я себе, он просто опять взялся за старое. Так что оставалось только пожелать удачи этой Тане, с ее глубоким декольте, тоненьким голоском и подведенными глазами. Была определенная справедливость в том, что ей предстояло пройти через все то, что пережила я.

Если только ей не было известно что-то такое, чего не знали все остальные.

* * *

15 февраля

Когда я открываю глаза следующим утром, солнечный свет уже струится через окно. Я осторожно провожу обычную проверку своего состояния. Синяков не видно. Мышцы не болят. Нет ощущения того, что «что-то не так». Что ж, уже неплохо.

Я медленно выбираюсь из кровати и, ступая по бежевому ковру, подхожу к окну. Передо мной простирается море. Сегодня его воды спокойны. А вчера оно яростно бурлило, швыряя гальку на набережную. Мне приходилось осторожно обходить эти камни, чтобы не споткнуться.

Как же я могла так долго жить вдали от моря? Одни его краски могут заставить умереть от восторга! Оно бывает то бирюзовое. То бледно-голубое. То серое. То красное, под цвет скал. Меня восхищает успокаивающая регулярность приливов и отливов, повторяющихся изо дня в день. Эмоции моря поднимаются и стихают так же, как и мои собственные. На днях оно перевернуло лодку, и из-за этого пришлось выйти спасательной шлюпке.

«Он пропал. Его никто не видел уже пятнадцать дней».

Голос полицейского снова звучит у меня в ушах. Они приходили вчера вечером – значит, сегодня уже шестнадцать дней. Несмотря на принятое накануне решение, я снова хватаюсь за телефон.

«Это Дэвид. Вы знаете, что делать...»

Хватит это слушать – говорю я себе. Выберись из дома. Подыши воздухом. Он хоть и холодный, но свежий. Это полезно! К тому же нужно купить ржаной хлеб с орехами. И забрать рецепт. Привести себя в порядок до следующего визита клиентки. Когда она должна снова прийти? Посмотрим в журнале. А, только завтра.

После Дэвида я стала разговаривать сама с собой – это вошло в привычку. Так я чувствую себя не столь одинокой. То же самое и с радио. Большинство наших девушек слушали «Радио 1», но от своего психолога я узнала про «Классик FM». «Музыка очень сильно влияет на наше эмоциональное состояние», – любил повторять он.

Я включаю эту радиостанцию, но прием довольно плохой. Радио Корнуолл ловится лучше. И звучит оно более по-домашнему. Дает мне почувствовать себя не чужой в этом месте.

«Ожидаются дальнейшие задержки поездов на Большой Западной железной дороге до Паддингтона...»

Может ли это быть причиной исчезновения Дэвида? Возможно, он приехал сюда, чтобы найти меня? Нет. Не стоит питать иллюзий.

В таком случае, может, он решил приехать сюда отдохнуть? Нет, исключено. «Трудно придумать что-либо хуже, – говорил он, – чем холодное британское побережье». И, как выяснилось, в Дартмуре он бывал всего один раз. На самом деле он был настоящим «человеком Лондона», а отдыхал где-нибудь на Карибах, совмещая отпуск со своими транснациональными деловыми встречами. Таким образом, свои траты на отдых он оформлял как бизнес-расходы. Легально ли это – спросила я у него в начале наших отношений. Он рассмеялся своим глубоким, полнокровным смехом. Ну, разумеется, да.

Из-за всех этих воспоминаний – предупреждаю я себя, надевая свою ярко-красную водонепроницаемую куртку, – у меня гудит голова. Или это оттого, что я голодна? Еще довольно рано – всего половина восьмого, – но наши девушки к этому времени уже, конечно же, на ногах. Я беру бутылочку со своими таблетками, задумываюсь на секунду и принимаю одну, после чего собираю волосы в пучок. Мне советовали носить короткую стрижку, поскольку длинные волосы, как выяснилось, также могли представлять для меня потенциальную опасность. Однако мне нужно было создать «новую себя», чтобы продолжать держаться.

Однако внезапно мысль о том, что мне предстоит выйти из дома, пугает меня. Внутри я чувствую себя в большей безопасности. От старых привычек – какими бы они ни были неприятными – нелегко избавиться. Так что в итоге я весь день провожу дома, занимаясь приготовлением своих ароматических смесей. Однако к тому времени, когда уже начинает смеркаться, мне становится невыносимо сидеть в четырех стенах: я снова надеваю куртку и, открыв дверь, вздрагиваю от ударившего меня в лицо ветра.

Я иду по набережной и, для развлечения, слежу взглядом за тонкой линией между землей и морем. Наступив на треснувшую тротуарную плитку, я пошатываюсь, но мне все же удается удержать равновесие. После этого я начинаю смотреть только себе под ноги. Хорошо, что сейчас не сезон и туристов почти нет, так что можно не бояться на кого-нибудь натолкнуться.

Внезапно я застываю на месте. Мне навстречу идет ребенок с ведерком и лопаткой, несмотря на неподходящую погоду. Он того же самого возраста. У него прямо подстриженная челка. Он поднимает на меня глаза, как будто знает меня.

«Патрик», – мысленно шепчу я. Однако это имя срывается с моих губ и звучит во всеуслышание.

Женщина, идущая рядом с ребенком, хватая его за руку, бросает на меня странный взгляд и быстро проходит мимо.

Дыши глубоко. Забудь о том, что произошло. Сконцентрируйся на чем-нибудь другом – например, на морском воздухе. Можно ощущать не только его запах, но и вкус, и необыкновенную свежесть. Пока я не поселилась здесь, на юго-западе, я даже не представляла, что воздух может быть таким особенным.

Навстречу едет мужчина на вишневом скутере для инвалидов. Я делаю шаг в сторону, чтобы пропустить его. Возможно, мне стало бы легче, если бы мои проблемы со здоровьем были бы столь же заметны людям со стороны? Тогда они бы так не изумлялись, когда все это со мной происходит. Я прохожу мимо женщины в фиолетовых легинсах, которая играет на

блокфлейте, полусидя на парашете. (Мне нравятся уличные артисты, обитающие в этих краях.) Музыка удивительно красивая, но нужно, чтобы было с кем разделить это удовольствие. А кто захочет делить со мной мою темную жизнь? Вот и Дэвид не захотел.

В голове снова возникает гудение. Это предупреждающая аура. Так мне объяснили врачи. Она бывает не у всех. Иногда все проходит без последствий. О, только бы обошлось. Маленькая белая собачка пробегает мимо, с любопытством принюхиваясь. У животных как будто имеется шестое чувство.

Я опять достаю из кармана лавандовое масло. Быстро втираю его в точки пульса на запястьях и, ища опору, вцепляюсь в ограждение набережной, покрытую зеленой облупившейся краской. За спиной раздается твяканье. Я оборачиваюсь. Рядом с собачкой и ее хозяином идет симпатичная молодая женщина, старательно кутающаяся от холода. На секунду наши глаза встречаются. Может, мы знакомы? Но она отворачивается и проходит.

Внезапно я чувствую запах жженой резины. Это плохой признак. По своему опыту я знаю, что теперь в моем распоряжении в лучшем случае лишь несколько секунд.

– С вами все в порядке? – долетает до меня издали голос женщины. Мягкий. Встреченный. Добрый. Нужно забраться в безопасное место. Скорее. Подальше от ограждения, чтобы не упасть через него на берег. Едет машина. Держаться подальше от дороги.

Скамейка. Та, что справа от меня. «Для Марджори, которая любила это место». Я видела эту надпись раньше – так же, как и на многих других скамейках на набережной. За каждой из них таится своя история. Однако сейчас мне совсем не до этого.

Я смутно осознаю, что стою уже на четвереньках.

«С вами все в порядке?» – повторяет голос.

Я чувствую, как что-то влажное касается моего лица. Собака?

Потом – ничего.

Глава 4

Скарлет

Мама! Мама!

Скарлет не переставала кричать всю дорогу от парка до полицейского участка, колотя в стекло кулаками, а потом головой. У нее саднило горло, и костяшки на руках превратились в один сплошной синяк. На улице шел дождь, и стекло в машине запотело, не позволяя ничего разглядеть снаружи. Из-за этого Скарлет кричала еще сильнее, думая: вдруг мама там и машет ей, а она ничего не видит.

– А ну прекрати! – сказала женщина-коп. – Черт, она опять меня поцарапала!

– Дикий котенок. – Это произнесла другая женщина-коп, сидевшая в машине сзади. У нее было более худое лицо. Более злое. – Какая мать, такая и дочь.

– Я хочу к маме!

– Ты увидишь ее, если будешь хорошо себя вести. Поняла?

Скарлет уже не могла больше плакать. У нее как будто совсем закончились слезы. Горло у нее так болело, что она едва могла глотать, и ее одолевала подступающая тошнота. Но хуже всего была разверзшаяся внутри нее яма страха.

– Я боюсь, вдруг я никогда больше не увижу маму, – прошептала Скарлет.

И тогда она заметила это. Взгляд.

Скарлет хорошо умела понимать значения взглядов. У нее был в этом опыт. Взгляд, который бросала на нее мама перед игрой, означал: «Будь хорошей девочкой». А тогда, в магазине, взгляд тетушки Джули с фиолетовыми волосами сказал ей: «Сделай вид, что меня знаешь». А во взгляде приходивших к ним домой дядек читалось: «А ну-ка исчезни – у меня с твоей матерью есть дело наедине».

Однако в том взгляде, которым обменялись эти женщины-копы, было что-то другое. Он означал: «Не выдавай секрет».

– Ты увидишь ее. Обещаю, – сказала более приятная женщина.

– Вы врете! – закричала Скарлет и снова принялась биться головой о стекло машины, пока ее не схватили за руки. Но она все равно продолжала вырываться. Не успокоилась она и тогда, когда ее привели в большое черное здание на одной из центральных улиц. «Легавка» – так называл его один из маминых дядек, когда они пролетали однажды мимо на его черном мотоцикле.

– Ну, и что тут у нас? – спросил человек за стойкой дежурного. У него была блестящая голова с редкими клочками оставшихся волос. Все его лицо покрывали морщины, что напоминало Скарлет географический атлас. Учитель говорил, что эти линии показывают, насколько высоко суша находится над уровнем моря. Скарлет никогда не видела моря, но не хотела в этом признаваться, чтобы другие дети не смеялись над ней.

– Где моя мама? – Скарлет пнула стойку с такой силой, что у нее заболели пальцы на ноге. Именно так поступила мама, когда тетка в муниципалитете сообщила им, что их арендная плата теперь станет больше. Впрочем, тогда с этого вышло мало толку: маме просто сказали, что, если она не будет вести себя прилично, то не получит больше никаких субсидий.

– Ты увидишь ее, когда мы скажем, – заявил Человек-атлас. – А сейчас води себя хорошо, мисс.

Потом он мотнул головой в сторону двери с черно-золотой надписью. Скарлет прочитала по буквам «С-Л-У-Ж-Б-А О-П-Е-К-И».

– Вам туда.

Тетка-коп со злым лицом взяла ее за плечи. «Если кто-то пытается тебя схватить, – всегда говорила мама, – сразу подгибай колени. Тогда им будет труднее тебя тащить». Однако это

не помогло, потому что человек из-за стойки тоже ее схватил, и вдвоем они доволокли ее до двери с надписью. В комнате стояли стулья и стол, а на нем – тарелка с печеньем. Шоколадным. Ее любимым.

– Скарлет?

Сначала она даже подумала, что это тетушка Джули. У этой женщины были такие же взъерошенные фиолетовые волосы (мама называла это «рваной стрижкой») и черные следы от растекшейся туши под глазами. Но все же это оказалась не тетушка Джули: у нее не было в носу золотой сережки. У нее была серебряная.

– Тебя зовут Скарлет, верно?

– А вам какое дело?

Именно так научила ее говорить мама – в тех случаях, когда непонятно, следует ли вообще отвечать.

– Так написано в твоём паспорте, детка.

Паспорта нужно было хранить в каких-нибудь укромных местах, чтобы копы не могли их отыскать. Мама постоянно их перепрятывала. То за кухонной плитой. То под отклеившейся грязно-коричневой ковровой плиткой на кухне. То за треснувшей раковиной, которая протекала, потому что муниципалитет так никого и не прислал ее починить.

– Где вы его нашли? – Скарлет скрестила руки на груди – так же, как делала мама, когда кто-нибудь выводил ее из себя.

– Он был у твоей мамы, детка.

– Я хочу увидеть ее! – Скарлет с такой силой пнула стул, что он упал.

– Подними его и сядь, – прорычала женщина-коп с худым лицом.

Однако Рваная Стрижка помотала головой:

– Пусть стоит, если хочет.

Потом она присела на корточки рядом со Скарлет – так, что они стали почти одного роста. Глаза у нее были добрые.

– Меня зовут Камилла, я социальный работник. Я понимаю, что это для тебя шок, детка. И я знаю, что ты хочешь к маме. Но ты должна мне поверить – ты не можешь увидеть ее прямо сейчас. Сначала нужно решить кое-какие вопросы.

– Какие еще вопросы? – прохныкала Скарлет.

– Это взрослые дела.

Она знала, что это значит. Иди спать. У мамы с этим дядей есть важное дело. Ничего не говори, когда мама сует в сумку банку бобов в супермаркете, не собираясь платить.

– Скарлет, детка, послушай меня, – проворковала она своим тонким голоском, как птичка. – У тебя есть папа, или бабушка, или дедушка, или тетя, или кто-нибудь, кому мы можем позвонить?

Скарлет заколебалась, крутя пальцами одну из красных бусинок в своих волосах. Стоит ли сказать про дядек? Наверное, нет. Мама всегда говорила, что не доверяет никому из них.

– Нет, мы с мамой только вдвоем. Нам больше никто не нужен.

– То же самое сказала и мать, – проворчала тетка-коп со злым лицом.

– Но я могу побыть и одна! Так уже случалось, когда маме нужно было куда-нибудь уйти.

– Правда? – Камилла с рваной стрижкой начала что-то писать на лежавшем перед ней большом листе бумаги. Хотя он был не разлинован, строчки у нее выходили очень ровными. – Что ж, боюсь, так делать нельзя. Ты еще слишком маленькая.

Скарлет охватила паника.

– Но мне хорошо дома с мамой! Она вовсе не всегда уходит из дома вечером. И вообще, сейчас же еще не темно, и мне нужно в школу. – Глаза Скарлет снова начали наполняться слезами. – Сегодня мой самый любимый день. Можно выбрать любую книгу и читать, и будет Час новостей.

– Это что такое? – спросила тетка-коп.

– Это когда дети рассказывают, что нового произошло у них в семье, – медленно пояснила Рваная Стрижка.

– Интересно...

– Мама сказала, что я смогу пойти в школу попозже, после игры...

– Какой игры? – Голос тетки-копа прозвучал быстро. Резко.

Скарлет прикусила губу.

– Я не могу вам сказать. Это секрет.

– Знаешь что, Скарлет? – произнесла тетка-коп. – Твоей маме могло бы помочь, если бы ты нам все рассказала. Ты ведь хочешь этого, правда?

Скарлет кивнула.

– А иначе у твоей мамы будет еще больше проблем, чем у нее есть.

– Мне кажется, не стоит так говорить, – вмешалась Рваная Стрижка.

Тетка-полицейский пожала плечами, давая понять, что она считает иначе. Потом она налила Скарлет черносмородинового сока, и та жадно выпила его с печеньем. Вкуснятина.

– Послушай, Скарлет. Мы тут говорили про истории, которые вы рассказываете в школе. Мне они тоже очень нравятся. Вот, держи карандаш. А теперь пододвинь свой стул. Отлично. Напиши нам все про игру. Это должно быть очень интересно.

Об этом нельзя никому рассказывать – Скарлет хорошо знала. Но ведь теперь, когда это могло помочь маме, все совсем по-другому?

– А вы обещаете, что после этого я увижу маму?

– Обещаю.

Дело оказалось не быстрое.

– Просто пиши все, что помнишь.

Когда Скарлет закончила писать, у нее болела рука от усталости.

– Хорошая девочка. – Даже злая тетка-коп была ею довольна.

– А теперь мы с мамой можем пойти домой?

Рваная Стрижка снова присела на корточки рядом со Скарлет.

– Тебе придется переночевать сегодня где-нибудь в другом месте. А дальше видно будет, хорошо?

Скарлет снова захлестнуло волной паники.

– Но я же написала для вас свою историю! Вы же обещали, что я смогу тогда увидеть маму.

– Ты увидишь ее, но только после того, как мы утрясем вопрос с твоим устройством.

– Почему я не могу просто вернуться домой?

– Потому что там никого нет, детка. А тебе нельзя там оставаться одной.

– Где моя мама? Что вы с ней сделали?

Злая тетка-полицейский схватила ее за руку и потянула в коридор.

– Я не думаю, что в этом есть необходимость... – забормотала вслед Рваная Стрижка.

И тогда Скарлет увидела ее! Маму! Она заходила в другую дверь, справа. (Скарлет хорошо различала право и лево. Налево они поворачивали, когда ходили на игру в парке. А направо – в магазины.)

Мамин голос пырнул ее в грудь. Скарлет не совсем была уверена, что означало «пырнул», но понимала, что это должно быть очень больно, потому что нечто такое, как она слышала, случилось с пареньком, жившим двумя этажами ниже. И он до сих пор лежал в больнице.

– Отпустите меня! – раздался душераздирающий мамин вопль. – Я хочу поговорить со своей малышкой. Это мое долбаное право!

– Не сейчас.

Потом дверь захлопнулась, и мама исчезла.

– Почему они ее увели? – зарыдала Скарлет, катаясь по полу. – Почему? Почему?
– Бедная крошка, – услышала она над собой.
– Некоторые женщины не должны иметь детей, – произнес другой голос.
– Ладно. Посмотрим, кто у нас есть в списке для экстренного размещения. Так... Уолтерсы. Подойдет.
– Послушай, Скарлет. Я отвезу тебя домой к одной очень милой семье, они за тобой присмотрят. И будет намного лучше, если ты перестанешь пинаться и кричать. Договорились? Мы найдем тебе чистую одежду, когда туда доберемся, а с твоей школой мы свяжемся потом и все им сообщим.
– Мама... – сдавленно произнесла Скарлет. Она задыхалась, и каждое слово давалось ей с трудом: – Мне нужно сказать ей, куда я поеду.
– Все в порядке, детка. Она уже знает.
– Когда я смогу ее увидеть?
Последовал очередной вздох.
– Нам придется подождать до решения суда. Но ты не бойся. О тебе есть кому позаботиться.

* * *

Мирра. Поднимает настроение и успокаивает гнев.

Апельсин. Похожий эффект. Также может снижать тревожность.

И, конечно же, ромашка.

«Ароматическая смесь от гнева» – так называла это мой инструктор.

Но иногда бывает нужно и что-то еще.

Я начала вести дневник после того, как с нами стал работать психолог. Он сказал, что, когда все записываешь – это очень полезно, и он был прав. Это помогает снять эмоциональный груз. Мне действительно кажется, что выплескивание своих чувств на бумагу удержало меня от нанесения кому-нибудь физического вреда.

Однако некоторые могут возразить, что я все же это сделала.

Так что если эти записи вдруг попадут кому-нибудь в руки и кто-нибудь прочитает их (чего произойти не должно), мне хотелось бы отметить, что я вовсе не задумывала ничего такого.

Поверите вы или нет, но я ввязалась во все это из лучших побуждений.

Глава 5

Вики

По ощущаемой тряске я понимаю, что куда-то двигаюсь.

Надо мной наклоняется мужчина в белом. Проверяет пульс. Накладывает манжету мне на руку и накачивает ее. Только тогда до моего сознания наконец доходит. Я нахожусь в машине «Скорой помощи». Со мной это уже не в первый раз.

– Вики? Вы меня слышите? Меня зовут Адам, я фельдшер.

Голос у него настойчивый, но ровный. Он смотрит на меня так, как обычно смотрят люди, когда это со мной происходит. Как будто я какая-то неполноценная. Сумасшедшая. Будто у меня не все дома.

Если у кого-то случается сердечный приступ или кто-то ломает ногу или происходит что-либо в подобном роде, все воспринимают это нормально. Но в моем случае все не так. Люди не могут относиться к этому как к обычному заболеванию. Даже фельдшеры. Да и к тому же они немного могут сделать для меня в этот момент, помимо оценки моего общего состояния. Пульс. Уровень кислорода. Основные показатели.

– Что произошло? – спрашиваю я.

– Вас нашли под скамейкой.

Вот как? Что ж, вполне возможно. Ваша естественная инстинктивная реакция, когда вы чувствуете приближение приступа (хотя не все его чувствуют) – найти какое-нибудь безопасное место. В прошлые разы, когда со мной такое случалось, меня находили под детской горкой, столиком в кафе и кассой супермаркета. Последний случай был самый неприятный, потому что, когда я пришла в себя, меня встретили любопытные лица собравшихся, кассирша в истерике и мокрые штаны. Недержание, впрочем, бывает не всегда. К счастью, на этот раз обошлось.

– У вас есть родственники, с которыми мы можем связаться, Вики?

Отец. Если бы.

Мама. Ее давно нет.

Патрик. Нет!

Дэвид. Можно ли отнести бывшего мужа к родственникам?

– Нет, никого нет, – выдавливаю я.

Во взгляде фельдшера проскальзывает сочувствие. Потом он продолжает задавать мне вопросы, обращаясь ко мне так, будто мы лично знакомы.

– Последнее, что вы помните, Вики?

Это всегда дается с большим трудом. «Думай», – говорю я себе.

– Помню, как надеваю куртку, – в конце концов произношу я. – Иду купить хлеба, пока не закрылся магазин. Смотрю на море.

– У вас были какие-либо странные ощущения?

– В ушах у меня начало гудеть, а потом я почувствовала запах жженой резины. Обычно такое бывает перед приступом – видимо, из-за повышенной активности нейронов.

Фельдшер кивает.

– Значит, вам повезло – у вас есть определенные признаки перед приступом. Так вы, по крайней мере, как-то предупреждены.

Я немного удивлена. Вопреки моим ожиданиям, этот человек знает свое дело. Но «повезло»? Я едва удерживаюсь от смеха. Как бы то ни было, хорошо уже то, что я вообще жива и могу разгуливать на свободе. В не столь давние времена меня просто заперли бы в больнице. Так сказал мне один из врачей, словно стараясь подбодрить меня. Сейчас известно, что эпилепсия официально диагностируется у одного из 103 человек. Примерно у одного из

26 когда-либо случается припадок. Однако где-то в шестидесяти процентах случаев причина эпилепсии остается невыясненной. Поразительно много – если только об этом задуматься.

Само по себе это не смертельное заболевание, но все может плохо закончиться, если вы ударитесь головой, или будете находиться во время приступа в ванне, или наливать кипяток, или переходить дорогу, или делать что-то еще – в общем, на самом деле много опасностей. Поэтому я не плаваю, не вожу машину, не готовлю на открытом огне. Ложась спать, никогда не знаешь, проснешься ты или нет.

Единственный плюс – для некоторых из нас – состоит в том, что эта болезнь повышает активность мозга. Так что некоторые такие дети, едва начинающие ходить, знают уже таблицу умножения.

– Сколько времени длился приступ? – спрашиваю я.

– Около минуты.

Значит, как в среднем. Большинство наблюдавших меня врачей пришли к заключению, что мои припадки – по-научному называемые эпилептическими приступами – могут продолжаться от двадцати секунд до трех минут.

– Как вы себя чувствуете сейчас?

– Как после удара по голове.

Я ощущаю на своем лбу холодный компресс. У меня болят мышцы, и во рту, у правой щеки, чувствуется вкус крови – должно быть, я ее прикусила.

– Это неудивительно. Вы бились в судорогах, а под скамейкой мало места.

Внезапно откуда-то выплывает воспоминание. «Для Марджори, которая любила это место». Мне едва удастся держать глаза открытыми и трудно говорить, но я должна преодолеть слабость. В голове у меня царит настоящий хаос, однако я понимаю, что это нормальная реакция.

– Откуда вы знаете, как все происходило? – Меня всегда интригует этот момент. Это так странно – погружаться в какой-то таинственный мир, а потом не помнить, что ты там делал. Например, одна девушка, о которой я читала в сети, отправила своему начальнику сообщение, предупреждая, что опоздает, и тут у нее начался приступ – а потом, конечно же, она ничего этого не помнила.

– К счастью, женщина, которая вас увидела, оказалась медсестрой и сразу поняла, что происходит.

Так бывает далеко не всегда. Часто люди принимают тебя за пьяного, сумасшедшего или думают, что у тебя сердечный приступ (один добрый самаритянин однажды пытался сделать мне искусственное дыхание рот в рот, несмотря на то, что я продолжала дышать).

– Она вызвала «Скорую помощь».

Если это была медсестра, то, вероятно, она не потеряла самообладания. Именно поэтому, должно быть, я чувствую себя сейчас относительно спокойно. Когда люди начинают паниковать, это еще сильнее усугубляет мое состояние – особенно, когда я становлюсь свидетелем всего этого, возвращаясь в сознание. В результате потом гораздо труднее прийти в норму после приступа.

Меня так клонит в сон, что лицо Адама то исчезает, то снова всплывает перед моими глазами. Я могла бы спросить его, откуда он знает мое имя, но это и так понятно – оно написано на моем серебряном медицинском браслете, содержащем все данные. (Разумеется, я всегда снимаю его, когда работаю со своими клиентами, – во избежание лишних вопросов.)

– Вас что-то расстроило, Вики? – Его голос долетает до меня сквозь туман. – Что-то, что могло спровоцировать приступ?

Они всегда задают этот вопрос. Это необходимо для создания клинической картины эпилепсии. Мои веки становятся все тяжелее. Мысли путаются.

– Не знаю, – бормочу я. Но какой-то червь гложет меня изнутри. Что-то действительно расстроило меня.

Я просто не помню – что.

* * *

В следующий раз я прихожу в себя уже в больничной постели. На мне зеленый халат. Если повернуть голову, то можно увидеть маленький деревянный столик с кувшином воды. Пространство вокруг меня закрыто сине-белыми полосатыми занавесками, но я слышу доносящийся справа приглушенный голос: «Сестра! Мне нужно в туалет. Сестра!»

Сколько сейчас времени? Еще не темно. Но уже и не слишком светло. Это еще одна особенность моего недуга. Тебе может казаться, что ты пробыл без сознания много часов, тогда как на самом деле это длилось всего несколько минут. И наоборот.

В любом случае, я всегда чувствую себя так, будто проснулась после долгого, глубокого сна. Это похоже на состояние, когда ты приходишь в себя после анестезии.

Я ненавижу больницы. Тут слишком жарко и нечем дышать. Странно, почему так сильно включено отопление, учитывая постоянное урезание расходов. С меня льется пот, хотя, как я только что поняла, под больничным халатом на мне ничего нет. Только одноразовые бумажные трусы. Куда они дели мою одежду?

Подобные места (а я видела не одно) всегда оставляют у меня во рту неприятный вкус печенки и бекона: я терпеть не могла эту еду в детстве, и эти ощущения снова завладевают мной, когда я вынуждена делать то, чего не хочу. А мое единственное желание – выбраться отсюда. Быть нормальной.

По другую сторону занавески слышен звук вкатываемой тележки. «Завтрак!» – произносит бодрый голос.

Вот и ответ на мой недавний вопрос.

– А как нам быть с той?

– К ней сначала должна зайти медсестра, – отвечает другой голос. – Нам нужно точно знать, можно ли ей есть.

Они говорят обо мне? В животе у меня нестерпимо ноет от голода. После приступа у меня обычно просыпается волчий аппетит. Я уже собираюсь подать голос, как вдруг раздается высокий, непрерывный звук, от которого волосы на моей руке встают дыбом. По крайней мере, этот звук исходит не от тех аппаратов, к которым подключена я. Хотя мне ничего не видно, но я слышу напряженные голоса и движение в палате. «В реанимацию. Быстро!»

Я искренне сочувствую этому незнакомому пациенту. Мне и самой доводилось несколько раз побывать в реанимации.

Кто-то другой – кажется, моя соседка слева – разговаривает по телефону. У нее старческий, дребезжащий голос. «Так вот, доктор говорил мне принимать эти таблетки. Он говорил – по две. Каждый день. Вот я и делала так, как он говорил. А теперь другой врач говорит, что нужно было что-то еще».

Я уже и забыла, как шумно бывает в больнице, хотя в последний раз мне довелось побывать там не больше двух месяцев назад. Это было в Девоне, до того как до моих клиентов дошли слухи о моей болезни и мне пришлось снова уехать.

– Вики?

Занавеска отодвигается в сторону. Почему больничные персонал всегда разговаривает с тобой так, будто они хорошо тебя знают? В машине «Скорой помощи» это действовало успокаивающе, но сейчас мне не очень приятно такое обращение.

– Как вы себя чувствуете?

– Хорошо.

Я приподнимаюсь на локтях, морщась от боли. Устроившись поудобнее, я обнаруживаю на одной руке огромный синяк – должно быть, ударилась во время судорог под скамейкой.

– А где моя одежда?

– Она была вся порванная и испачканная после того, что произошло. Но вы не беспокойтесь. Мы с этим потом разберемся.

Меня охватывает паника.

– Но мне нужно что-то надеть, чтобы пойти домой.

– Боюсь, мы не можем выписать вас, если за вами некому присмотреть как минимум в течение двадцати четырех часов после приступа.

Медсестра снова поглядывает в свои записи.

– Здесь отмечено, что у вас нет никаких близких родственников. Может быть, есть соседка или подруга, которой вы можете позвонить?

И вдруг я все вспоминаю. То событие – вернее, события, которые меня так расстроили. Дэвид. Полиция. А потом та девушка на прогулке.

– Я могу побыть и одна, все будет в порядке. Я делала так раньше.

Это правда. Я лгала в других больницах, что дома у меня кто-то есть. Я запоздало понимаю, что следовало сделать так и на сей раз.

– Это может быть опасно. – Она говорит так, словно со мной все это случилось впервые. Что ж, она еще очень молода. Может, я ее первый подобный случай. – То, что с вами произошло... ведь это все очень травматично.

Я стараюсь говорить как можно увереннее:

– Для меня лучше не заикливаться на приступе: я просто пью свои таблетки и надеюсь, что со мной это никогда больше не повторится.

Суеверие заставляет меня замолчать и постучать по дереву.

– Если вы сейчас проходите лечение, приступов не должно быть много, так что нам нужно разобраться, в чем дело. И я должна сообщить вам еще кое-что. Боюсь, к вам посетители.

Боюсь?

Она отводит глаза.

– Мы бы не согласились на их визит к вам, пока не были бы уверены, что вы уже оправились после приступа, но...

Она умолкает, не договорив фразу, и отдергивает занавески. Все в палате смотрят на меня. И не удивительно.

Передо мной опять та самая, уже знакомая мне парочка.

Медсестра отступает назад.

– Что ж, я вас пока оставлю, хорошо?

– Миссис Гаудман. Вики. – Рукопожатие детектива-инспектора Гэрета Вайна такое же беспощадное, как и в прошлый раз.

Я высвобождаю свою руку.

– Как вы узнали, что я здесь?

Он небрежно машет рукой, будто речь идет о сущей ерунде.

– Ваше имя появилось в сводке, когда вы поступили в больницу. Мне очень жаль, что у вас такие проблемы со здоровьем.

– Я стараюсь не воспринимать это как проблему, – словно обороняясь, отвечаю я. – Это просто часть меня.

Эту фразу я подцепила на одном из многочисленных сетевых форумов.

– И именно поэтому вы не упомянули про свое заболевание в прошлую нашу встречу?

Сладкое ощущение пробуждения после глубокого сна начинает улетучиваться. Вместо этого я чувствую неприятное покалывание кожи. Женщина, лежащая в кровати напротив, глядит на меня. У нее лысая голова, и рядом с ней стоит капельница. Вероятно, рак?

– Мы можем задернуть занавески? – спрашиваю я.

– Конечно.

Мы остаемся втроем в замкнутом пространстве. Двое против одного.

Я прикладываю ладонь к глазам, чтобы защитить их от света длинной люминесцентной лампы наверху.

– От света вам становится хуже? – с любопытством спрашивает инспектор.

– Только от мерцания лампы, – уточняю я. – И от стресса. Ваш прошлый визит несколько выбил меня из колеи. Или известие об исчезновении Дэвида.

Инспектор моргает. Видно, что ему не хочется быть ответственным за еще один мой припадок. Мне удалось вывести его из зоны комфорта. Это хорошо. Женщина-сержант ничего не говорит, но все записывает. Нужно быть осторожнее.

– В таком случае, – внимательно глядя на меня, говорит инспектор, – вам следовало быть честной с нами с самого начала.

– Я и была.

Во рту у меня пересохло. Я прекрасно знаю, что он собирается сказать. Я ждала этого с тех пор, как сообщила ему, почему находилась возле его дома.

– Вы нашли моего мужа?

– Вашего бывшего мужа? Нет.

Голос инспектора звучит бесстрастно, но все это время он не сводит с меня пристального взгляда. Я чувствую мгновенную вспышку страха, но следом тотчас появляется уверенность, что все, конечно же, будет в порядке. У Дэвида всегда все в порядке. В отличие от других людей, которым не посчастливилось иметь с ним дело. Мне было известно о разных его махинациях, проворачиваемых под видом «благотворительных интересов». Он сам рассказал мне об этом, словно это было какое-то его достижение. Однако в тот момент я уже не могла ничего поделать. Я была у него на крючке.

Инспектор садится на стул возле моей кровати.

– Два дня назад вы сказали нам, что были возле дома мистера Гаудмана, поскольку вам нужно было посетить там своего старого врача.

Он называет моего мужа очень официально, и эта подчеркиваемая дистанция доставляет мне дискомфорт. Ведь это мужчина, которого я когда-то любила. Или, возможно, все еще люблю.

– Да, и я дала вам его номер.

– Верно. Это было очень полезно. Однако вы помогли бы нам еще больше, если бы сразу сказали, что у вас эпилепсия.

Вот. Ну, наконец-то кто-то решился произнести это вслух. То самое слово.

Я пожимаю плечами:

– Я думала, что это не важно.

– Не важно?

Мне кажется, или он повторяет мои слова нарочно, чтобы меня подловить?

– И вы принимаете лекарства, не так ли?

В этом он прав, конечно, но на самом деле время от времени я предпочитаю пропустить прием таблеток, помня про их побочные эффекты, среди которых – снижение умственных способностей, что, впрочем, может быть вызвано и самой болезнью. К тому же эти лекарства далеко не всегда помогают. Я одна из тех людей, кому повезло меньше всех: моя болезнь не поддается практически никакому лечению.

Обычно я не вру, но на этот раз, похоже, лучше не говорить всей правды.

– А что такое?

– Насколько я понял, и эти ваши отключки, и препараты могут воздействовать на память.

– Вообще-то мы называем их приступами. И мой врач не имел права раскрывать вам мою личную информацию.

– Вообще-то подобные медицинские сведения можно почерпнуть и из Интернета. И мы еще не наносили визит вашему доктору, хотя у нас есть все основания сделать это официальным образом.

По другую сторону занавески раздается изумленный выдох. Моей соседке сегодня наверняка не скучно.

– Я не понимаю, о чем вы.

– Думаю, вы прекрасно все понимаете, Вики. – Инспектор будто прошел ту же школу, что и весь этот медицинский персонал. Та же манера – все время обращаться к человеку по имени, словно он разговаривает со своим хорошим знакомым. – В общем, картина уже более-менее ясна, – продолжает он. – Теперь мне понятно, почему у вас дома нет телевизора. Мерцающий свет может плохо на вас подействовать. У вас нет ванны. И вы носите яркую одежду – как та ваша красная куртка: это нужно для того, чтобы вас заметили, если вы попадете в опасную ситуацию. Это я тоже нашел в Гугле.

Инспектор говорит об этом почти с гордостью. И он прав. Красный цвет я ношу из практических соображений, хотя он не очень подходит к моим темно-рыжим кудрям.

– Насколько мне известно, эпилептические припадки не являются чем-то незаконным.

– Вики. – Инспектор встает и склоняется надо мной – так, что его квадратный подбородок оказывается слишком близко. Внезапно ко мне приходит осознание того, насколько я уязвима в таком положении, и практически без одежды. Возможно, именно поэтому здесь находится женщина-сержант. Для соблюдения формальностей.

«Вы запугиваете меня», – хочу произнести я. Но меня парализует страх, в ожидании того, что будет дальше.

– Вики, – повторяет инспектор, – давайте говорить напрямую. Когда мы впервые нанесли вам визит, я спросил, где вы были в тот вечер, когда вашего бывшего мужа видели в последний раз. Вы сказали, что были дома.

В носу у него растут черные завитушки волос. Почему мы обращаем внимание на всякую ерунду, когда происходит что-то намного более важное?

– Вы уверены в этом, Вики?

Он делает паузу. Сержант настораживается, приготовившись записывать. Теперь уже не отвертеться.

– Или, возможно, – мягко произносит инспектор, – из-за вашего заболевания вы просто этого не помните?

Глава 6

Скарлет

– Куда мы едем?

Из-за рыданий слова Скарлет прозвучали приглушенно.

Камилла Рваная Стрижка бросила на нее взгляд с водительского места и похлопала по руке.

– Я же тебе говорила, детка. К одной хорошей семье, которая будет присматривать за тобой, пока это дело не решится в суде.

Скарлет знала все про суды. Это там жили судьи. Те самые уроды, которые отправляли в тюрьму ни в чем не повинных людей.

– А что если они не отпустят маму домой?

Камилла на секунду заколебалась. Ее глаза потеплели – должно быть, от жалости к Скарлет.

– Давай просто подождем, а там видно будет, хорошо? А сейчас давай лучше поспи, детка. Нам долго ехать, а ты, наверное, очень устала после всего, что было сегодня.

– Но мне нужно вернуться домой, чтобы взять все для школы.

Голос Камиллы сделался еще более мягким и ласковым.

– Об этом даже не переживай сейчас.

А вдруг это была ловушка? Вдруг ее похитили? Скарлет охватила паника. Ей вообще не следовало садиться в эту машину.

– Мама говорила мне никуда ездить с незнакомцами. А вас я не знаю. Отпустите меня, я хочу домой!

– Что ты делаешь!

Машина вильнула, и они съехали на обочину под визг тормозов.

– Нельзя так хватать руль, Скарлет. Это опасно!

Из глаз у нее брызнули слезы, и лицо Камиллы смягчилось.

– Я понимаю, что ты чувствуешь, детка. Правда, понимаю. Я социальный работник, как я тебе уже сказала. Вот мое удостоверение. Видишь? Единственное, чего мы хотим, – это помочь тебе.

– Если мне нельзя вернуться домой, – тихо произнесла Скарлет, – можно мне поехать к вам?

– Но ты же только что сказала, что не знаешь меня.

– Да, не знаю. – Скарлет попыталась объяснить, что она имела в виду: – Но я не хочу оставаться дома у других незнакомцев.

– Прости, детка. Но если бы я брала к себе каждого ребенка, которому стараюсь помочь, мне бы негде было их размещать. Давай, выше нос! Тебе понравятся Уолтерсы. Они уже давно берут детей под опеку, и у них есть свой сын. Кажется, ему лет пятнадцать. Или, может, шестнадцать.

– Что значит «берут под опеку»?

– Это когда кто-то берет к себе чужих детей, чтобы заботиться о них, пока они не смогут вернуться к своим маме и папе или...

Она замолчала.

– Или что?

– Ничего, это не важно, детка. Ладно, нам надо ехать. Давай, откинься на сиденье и просто смотри в окошко. Сейчас мы должны выехать из Лондона и отправиться в Кент. Там живут Уолтерсы.

– А я смогу ездить оттуда в свою школу?

– Нет. Но там есть другая, ничуть не хуже.

– Откуда вы знаете?

– Просто знаю. Давай включим музыку, чтобы она помогла тебе задремать. И еще включу обогреватель. Так лучше?

Скарлет почувствовала, что глаза у нее слипаются. Однако это был вовсе не такой глубокий сон, каким иногда спала мама, после того как курила, и наутро Скарлет никак не могла ее разбудить. Ей привиделось в сонном забытии, будто она снова качалась на качелях, только на этот раз никакого полицейского не было. Она просто отдала тубу от чипсов незнакомому человеку, и тот вручил ей такую же взамен. А потом они с мамой полетели на самолете и оказались на пляже – точь-в-точь, как она и обещала незадолго до того, как ее схватили полицейские.

Когда Скарлет проснулась, небо было темным и повсюду возвышались здания с горящими огнями. Ей опять стало страшно.

– Где это мы?

Голос женщины из соцслужбы устало произнес:

– В Кенте.

– А мама приедет сюда?

– Я уже говорила тебе, детка. Ты не сможешь увидеться с ней некоторое время. Я понимаю, это тяжело, но вот, мы уже почти у Уолтерсов. Если нам повезет, мы успеем как раз к ужину. Ты голодна?

В животе у Скарлет урчало, как от сильного голода, но в то же время она чувствовала тошноту. Если бы она была дома, они с мамой сейчас бы ужинали.

– А что ты любишь есть, Скарлет?

– Пиццу. Бургеры. Все, что удастся...

Скарлет прикусила язык, она хотела сказать «прихватить». Давным-давно мама научила ее: когда одну вещь кладешь в супермаркете в корзинку, другую тем временем незаметно засовываешь под кофту или в сумку. Но Скарлет вовремя спохватилась, вспомнив, что это тоже был их секрет.

К счастью, Рваная Стрижка была слишком занята тем, что, притормозив, разглядывала дома, и поэтому не обратила внимания на незаконченную фразу Скарлет.

– Это должно быть здесь, на углу. Ах, да. Они сделали пристройку, с тех пор как я была здесь в последний раз. Потому-то я и не узнала их дом. Все, выходим.

На улице похолодало. Джемпер на Скарлет был совсем тонкий. И он был зеленого цвета, неподходящего для школы, так что у нее могли возникнуть из-за этого проблемы.

– А какой цвет мне нужно носить в новую школу? – спросила она, вздрогнув, когда мимо прошел мужчина, громко разговаривавший сам с собой и пинавший консервную банку, как футбольный мяч.

Рваная Стрижка заботливо приобняла Скарлет за плечи и не отпускала, пока человек не скрылся за углом.

– Я не знаю, детка. Но мы скоро это выясним. А сейчас пойдем в дом, хорошо?

Ну и ну! Перед домом был настоящий садик! И там лежал на боку велосипед, колеса которого все еще крутились – видимо, с него кто-то только что слез. Скарлет всегда мечтала о велосипеде, но они были ужасно, ужасно дорогие.

А еще там был и дверной звонок с приятным перезвоном колокольчиков. (Мама сняла дверной звонок, потому что местные мальчишки-хулиганы часто в него трезвонили.) Дверь открыла женщина. У нее были глубоко посаженные, как будто закопанные на лице глаза, а губы вытянуты в тонкую розовую линию.

– Что вы так поздно?

– Простите, что так получилось, но движение было ужасное, и под конец я еще немного заблудилась. – Женщина из соцслужбы, похоже, нервничала – так же, как бывало и с мамой

перед игрой. – Это Скарлет. Скарлет, это миссис Уолтерс, она будет присматривать за тобой. Она нас очень выручила, хотя мы свалились практически как снег на голову.

- Надеюсь, вы привезли деньги?
- Они будут переведены вам на счет завтра утром.
- Но мы не так договаривались!
- Понимаете, ведь все делалось в большой спешке.
- Ну, как всегда, верно? Ладно, заходите уж тогда.

Глаза Скарлет расширились от удивления. Под ногами в доме было настоящее ковровое покрытие с красным узором, а не обычные половицы! Им была застелена и вся лестница. Неужели это правда весь их дом? Было слышно, как где-то работал телевизор и кричали дети.

- Я хочу смотреть свою программу!
- Отвали, сейчас моя очередь!

Женщина с закопанными на лице глазами засмеялась, но как-то неприятно – не так, как это делала мама.

- Ох уж эти дети, – бросила она. – Вы же знаете, какие они.
- Ну, конечно. А вы сейчас собираетесь ужинать, да?
- Нет, мы уже поели. У нас сегодня был ранний ужин.
- А, вот как. Просто Скарлет сегодня почти ничего не ела. У нее выдался тяжелый день.
- Я смотрю, она высокая.

Скарлет почувствовала, что глаза женщины измеряют ее с головы до ног.

– Ну да, высокая. И, к сожалению, у Скарлет с собой ничего нет – только та одежда, которая на ней. И зубной щетки тоже нет.

- Ох, и почему я не удивлена? Ладно, так и быть. Поищем что-нибудь для нее.
- Ну тогда все, пока, детка. В следующий раз, возможно, приеду снова я или кто-нибудь из моих коллег.

Внезапно Скарлет почувствовала, что ей совсем не хочется, чтобы эта женщина из соцслужбы, Рваная Стрижка, уезжала.

- А вы скажете маме, где я?

Мама всегда была очень строга насчет этого. Скарлет никуда не должна была уходить без спросу. Даже недалеко.

- Конечно, скажу.
- Я очень переживаю за нее. – В груди у Скарлет все сжалось. – Мама иногда забывает поесть, если я ей не напомню.

– Не беспокойся, ее там обязательно накормят. А сейчас иди и тоже поешь. А завтра ты пойдешь в свою новую школу вместе с другими детьми. Она ведь сможет уже пойти в школу, миссис Уолтерс?

- Ну, днем она точно не должна сидеть дома.

В конце концов входная дверь за женщиной из соцслужбы закрылась. В животе у Скарлет громко урчало, когда миссис Уолтерс вела ее на кухню. Какая огромная духовка!

Наверное, у нее там имелся тайник, как и у мамы. Или, может быть, в этом гигантском холодильнике.

- Не трогай его! Ваш холодильник – вон тот.
- Ого, у вас два холодильника? Так, значит, вы очень богатые!

Миссис Уолтерс уставилась на Скарлет своими глубоко посаженными глазами.

– Ты издеваешься, что ли? Послушай, что я тебе скажу, Скарлет. Деньги, которые я получаю, заботясь о таких детях, как ты, – просто смешные, учитывая, сколько со всеми вами мороки. А теперь возьми себе из холодильника что-нибудь – учти, что-то одно – и иди поешь перед телевизором.

В холодильнике оказалось только одно яйцо и что-то зеленое, покрытое черными точками. Запах был тошнотворный.

– Эти маленькие негодяи, похоже, слопали все подчистую. Осталось что-то совсем несъедобное. Но готовить сейчас я уже не буду. Так что возьми вот это.

– Ого! Спасибо!

– Ты опять придуливаешься? Это же обычная лапша, а не какая-нибудь икра.

– Это мое любимое!

Опять пристальный взгляд.

– А ты забавная, детка.

На несколько мгновений Скарлет показалось, что лицо женщины смягчилось, но потом оно опять сделалось жестким.

– Ладно, давай сюда, я налью тебе кипятка в коробку. А то еще, чего доброго, обожжешься в первый же день, а мне ни к чему такие проблемы. Вот, держи ложку. А теперь иди в комнату, которая направо по коридору. Там сейчас все остальные.

Желудок у Скарлет сжался в комок.

– Но ведь я их не знаю.

Женщина издала хриплый смех.

– Вот и познакомись.

На диване в комнате лежали четверо мальчишек. Прямо на полу – ковра здесь не было – разместились группа девчонок. У одной из них были густо покрашены глаза, как иногда делала мама, когда выходила прогуляться. Когда это случалось, Скарлет должна была хорошо себя вести и оставаться в постели до маминого возвращения. Телевизор в комнате был включен так громко, что было больно ушам.

Скарлет неуверенно присела возле девочки с покрашенными глазами, и та бросила на нее недовольный взгляд.

– Нет, только не это! Если миссис У. собирается втиснуть к нам еще одну кровать, я точно пожалуюсь на эту корову!

– Отлично. И как ты собираешься это сделать? – спросил мальчишка с рыжими волосами. – Ты же знаешь, что тебе все равно не победить.

– А ты прекрасно знаешь, что тебе нельзя приходить в нашу комнату. Я про тебя все расскажу. Я тебе это уже говорила.

– Но ты же этого не сделаешь, Энджи? Тебе ведь самой все это нравится.

– Отвали.

– Ну, может, и отвалю – теперь ведь у нас появился кое-кто еще.

– Эта? – Девочка с подведенными глазами смерила взглядом Скарлет. – Хочешь сказать, она мне соперница?

– Ну, ты и сама мало что из себя представляла, когда мы впервые...

– Заткнись. Или получишь по морде!

– Эй, вы там! – В дверях появилась миссис Уолтерс. – Хватит орать. Все спать!

– Но всего семь часов!

– Вы знаете правила. Нам нужно время, чтобы заниматься своими делами.

– Извините, пожалуйста. – Скарлет подняла руку, как делала в школе, когда хотела задать вопрос. – Но у меня нет пижамы и зубной щетки.

– Значит, будешь спать в том, что есть.

Но разве миссис Уолтерс не обещала подыскать для нее какую-нибудь одежду?

– А в ванной стоит кружка с общими зубными щетками – можешь брать любую.

Но это было негигиенично! Мама всегда следила за тем, чтобы приходявшие к ним дядьки не пользовались их розовыми щетками.

– Спать ты будешь рядом с Дон, – продолжала миссис У. – Тебе повезло. Я нашла матрас, который можно будет положить на пол. Туалет в конце коридора. А тем, что наверху по лестнице, – не пользуйся. Это только наш.

– Ну, конечно, – сквозь зубы проворчала девочка с подведенными глазами. – Один туалет для них троих. И один – для нас девятерых. А теперь вообще для десятерых.

– Ничего страшного, – сказала Скарлет. – Я здесь ненадолго. Только до тех пор, пока они не отпустят мою маму домой.

– То же самое они говорили и мне, – произнесла девочка со вздернутым носом – вид у нее был намного более дружелюбный. – А это было на Рождество.

Рождество! На Скарлет нахлынули счастливые воспоминания. В прошлом году они с мамой играли в «игру» возле грота Санта-Клауса в большом торговом центре. И потом – за то, что она была такой хорошей девочкой, – мама повела ее к Санте. Он подарил ей ожерелье с красивыми красными и голубыми бусинами. Скарлет хранила его у себя под подушкой.

Теперь они все стояли в очереди в туалет. Запах оттуда шел ужасный.

– А какая у вас школа? – спросила Скарлет свою новую подругу, оказавшуюся той самой Дон, рядом с которой ей предстояло спать. (Она была такая милая!)

Та пожала плечами:

– Ну, я не часто там бываю.

– Почему?

– Не особо мне нравится.

– Правда?

– А кому вообще это нравится?

– Мне. – Скарлет почувствовала, что краснеет. – Я люблю читать, и писать рассказы, и рисовать.

– Черт возьми! Да у нас тут появилась зубрила! – Это произнесла девочка с подведенными глазами. – Не знаю, какая там у тебя была школа, но эта точно тебе не понравится. Уж поверь мне. Так что нужно просто сказать миссис У., что у тебя заболел живот. Тогда тебя не отправят в школу на автобусе, а она сделает вид, будто собирается оставить тебя дома, чтобы на нее не настучали в социальную службу. Но как только автобус уедет, она выпихнет тебя из дома и велит не появляться до четырех. И тогда ты можешь делать все, что захочешь.

– А разве учителя не проверяют присутствующих?

– Когда как. Они не могут все время за этим следить. Если же проводят проверку, то приходится посидеть какое-то время на уроке, но потом все равно можно потихоньку слинять.

– Но я не хочу так делать.

– Ты, похоже, не совсем поняла, Скарлет. – Подведенные глаза придвинулись еще ближе к ней. – Дело не в том, хочешь ты этого или нет. Дело в том, что мы этого хотим.

– Вот-вот. – Это вклинился рыжий мальчишка с красно-желтыми прыщами на подбородке. – Если ты хочешь, чтобы у тебя с нами не было проблем, ты должна делать то, что мы скажем. Просто жди от нас команды. Мы можем дать ее завтра, или на следующей неделе, или еще через неделю. Мы должны убедиться сначала, что тебе можно доверять.

Мальчишка сделал шаг по направлению к Скарлет, как будто что-то замышляя.

Что он собирался сделать? Иногда, сильно испугавшись, она не могла сдержаться и...

– Вот это номер! – Девочка с подведенными глазами показала на нее пальцем. – Новая девчонка только что сделала лужу!

Скарлет бросило в жар, и она покраснела. Ей хотелось куда-нибудь убежать и спрятаться. Все смотрели на нее.

– Детский сад, детский сад! – завопили мальчишки.

Послышались тяжелые шаги по лестнице.

– Что здесь происходит, черт возьми? – грозно произнесла миссис У. Потом ее маленькие глазки заметили мокрое пятно на красном узорном ковре. – Да что ж это такое! Они опять прислали мне ребенка с энурезом! Нет, так дело не пойдет. Ты здесь не останешься, детка. Завтра же с утра поедешь обратно.

* * *

Иногда мне звонит какой-нибудь мужчина, желающий заказать сеанс ароматерапии для своей любимой, чтобы сделать ей сюрприз по какому-то особому случаю. Один мужчина сказал, что его жена, «к счастью для нее, очень застенчива». Для той женщины я взяла эвкалипт, придающий уверенности в себе, и (поскольку мне не понравился самоуверенный тон ее мужа) добавила еще базилик, для «повышения остроты ума и концентрации». При особенно благотворном воздействии это могло пробудить ее сознание и помочь ей наконец порвать с этим типом.

Впрочем, врач, исцели себя сам! Мне следовало самой пройти подобную терапию, когда Дэвид внезапно прервал наш медовый месяц под предлогом «важной деловой встречи». Была ли Таня тогда тоже там? Готова поспорить, что да. Эта женщина должна быть наказана. Так же, как и мой бывший муж.

Глава 7

Вики

16 февраля 2018

Они настаивают на том, чтобы оставить меня в больнице еще на сутки, потому что дома нет никого, кто мог бы за мной присмотреть.

– Что, совсем никого нет? – продолжают спрашивать у меня медсестры, хотя я уже достаточно раз повторила им. От их нежелания в это верить мне делается еще хуже. Ну, что это за женщина – дожившая до сорока с лишним лет и не имеющая ни любовника, ни лучшей подруги, ни ребенка, ни родителей – и вообще никого, кто мог бы быть рядом с ней в такой ситуации.

Патрик... Патрик...

Пустота в моей груди должна была, казалось бы, сделаться со временем не такой болезненной. Однако с каждым годом она, напротив, становится все больше и больше.

Что ж, по крайней мере, детектив-инспектор в его желто-коричневом плаще и женщина-сержант с прищуренными глазами уже ушли. Я стараюсь отогнать подальше все свои страхи. Говорю себе, что меня не могут обвинить в причастности к исчезновению моего бывшего мужа просто потому, что у меня провалы в памяти. Как бы то ни было, у меня осталось отчетливое ощущение, что полицейские еще вернутся.

Входит жизнерадостная дежурная с бейджем «волонтер». Она проворно вкатывает тележку, нечаянно ударяя ей о мою кровать. Напитки. Сладости. Газеты. Не нужно ли чего?

Я уже собираюсь отказаться. В последние годы я старалась игнорировать новости, полная решимости придерживаться жизненной стратегии «только позитив». Но потом я замечаю краешком глаза таблоид, который очень любили наши девчонки. Его заголовок кричит: «Пропавший успешный бизнесмен все еще не найден».

Фото смотрит прямо на меня. Моя кожа холодеет и покрывается мурашками. Затем меня бросает в жар – так, что щеки начинают гореть. Потом опять в холод.

«Исчезновение Дэвида Гудмана, крупного бизнесмена в сфере недвижимости, вызывает все больше опасений. Полиция призывает всех, кто располагает какой-либо информацией, срочно выйти на связь».

Мои пальцы скользят по характерной линии его носа. Я практически ощущаю своими подушечками кожу его лица. Чувствую запах его дорогого мускусного одеколона, которым он всегда пользовался. Представляю, как его руки обнимают меня. Как его губы касаются моих. И вспоминаю его полный ужаса взгляд, после того как у меня впервые случился при нем припадок.

До этого момента я не осознавала в полной мере реальность всего происходящего, даже несмотря на визиты полиции. Люди, подобные Дэвиду, кажутся неуязвимыми. С ними никогда не может произойти ничего плохого. Однако фото и заметка в газете означают, что я не могу больше закрывать на это глаза. Мой бывший муж пропал. И неизвестно – имею я или нет к этому отношение.

* * *

Вернувшись домой на следующий день, я первым делом вытаскиваю кое-что из-под подушки и прячу это под матрас. Так, на всякий случай.

Затем включаю радио, чтобы оно составляло мне компанию, и разогреваю в микроволновке суп. Пастернак и морковь, со щепоткой имбиря и молотого карри, добавленных для

пикантности. Я чувствую, что очень проголодалась. Подобное со мной часто случается после приступов, но так бывает далеко не у всех. Нет никаких определенных общих правил, потому что существует свыше сорока различных типов эпилепсии, и у всех людей реакция может быть разная. По крайней мере, так сказали, когда мне был поставлен окончательный диагноз.

Также я получила много других «важных предупреждений».

«Вы можете заметить изменения в своем характере. Это может быть вызвано скорее приемом лекарств, чем самим заболеванием». Да, раньше я была куда увереннее в себе.

«Некоторым родственникам и друзьям будет трудно принять вашу болезнь». Более чем правда.

«Людам с эпилепсией не рекомендуется жить в одиночестве». Если бы только у меня был выбор!

– У вас же есть тревожная кнопка? – спросила меня медсестра во время выписки.

– Конечно, – сказала я. Но на самом деле я не всегда ношу это приспособление. Особенно, когда работаю с клиентами.

«Что это такое у вас висит на шее?» – могут они спросить.

«Ничего, всего лишь маленькая красная кнопка, которую я должна нажать, когда почувствую приближение приступа. Если успею, конечно».

Ну и как все это будет выглядеть? Предполагается, что ароматерапевт должен помогать другим. А не сам нуждаться в помощи.

Я отгоняю от себя эти мысли и стараюсь сконцентрироваться на предстоящей работе с клиенткой, сеанс которой я перенесла на следующий день. Это пойдет мне на пользу – говорю я себе. Мне нужно вернуться в свою обычную колею. Это был еще один совет от моего врача. Не позволяйте болезни разрушить свою жизнь. Принимайте лекарства. Не переживайте из-за статистики. Многие люди имеют работу и семью, несмотря ни на что.

Но какой работодатель захочет нанять сотрудника с таким официальным диагнозом, как у меня? Единственным вариантом в моем случае была самозанятость. И я сказала себе, что это должно стать для меня началом новой жизни.

Сейчас, чтобы развеять туман в голове, я отправляюсь на прогулку по набережной. Внизу простирается берег моря. Впервые попав сюда, я была разочарована тем, что пляж оказался усыпан галькой. Но, как выяснилось, это было из-за прилива. Во время отлива берег становился песчаным. словно это были два разных человека. Как я.

Вернувшись домой, я обрызгиваю свою подушку лавандой для спокойного сна. Однако это не помогает. Во сне Дэвид бежит за мной вдоль берега моря и кричит: «Прости меня! Прости...»

Я вздрагиваю и просыпаюсь: за окном еще совсем темно, и часы рядом показывают 4:12 утра. На мгновение кажется, что все это правда. Что он действительно жалеет о нашем расставании. Затем меня накрывает огромная серая волна сожаления и печали, потому что, если бы он был сейчас со мной, все было бы по-другому.

Теперь остается только надеяться, вопреки всему, что Дэвид все же объявится. Очень скоро.

* * *

Клиентка – одна из моих постоянных – пришла на пять минут раньше, но у меня уже все готово для нее. В комнате тепло, и играет моя обычная успокаивающая «ангельская» музыка, похожая на дуновение ветерка и плеск волн. Мне нравится эта женщина, с ее мягкими, деликатными манерами. На самом деле несколько раз я даже испытывала искушение рассказать ей все о своей ситуации. Мне казалось, она могла меня понять. Но я не решилась на такой риск.

– Как у вас дела? – спрашивает она, когда я открываю дверь. Перенося наш сеанс, я предпочла умолчать о своем пребывании в больнице. Теперь я начинаю нервничать. Ладони у меня делаются влажными. Моя клиентка живет в городе, так что кто-нибудь мог ей уже все рассказать. В моих ушах так и звучат эти воображаемые слова: «Рыжая женщина-ароматерапевт, которая живет в том доме, перестроенном под квартиры? Ее нашли под скамейкой на набережной, когда у нее был припадок, представляете?»

– Все в порядке, – кратко отвечаю я.

– А у меня продолжают мигрени, – говорит женщина. И тогда я понимаю, что ее вопрос «Как у вас дела?» был не более чем данью вежливости.

Я тотчас переключаюсь в режим профессионала, готового оказать помощь.

– Что ж, давайте посмотрим, что мы можем с этим сделать.

Конечно же, лаванда. Цитрусовый аромат. Шалфей мускатный. Жасмин. То, что я выбрала, – это средняя нота, верхняя и базовая, как мне известно из пройденного мной курса обучения. Теперь все смешать. Женщина ложится на кушетку, и я начинаю массировать ей виски, втирая масло медленными круговыми движениями.

– Как приятно, – выдыхает она. – У вас золотые руки! А вы всегда этим занимались?

Я напрягаюсь. Эта женщина бывала у меня уже не раз, но она никогда не задавала вопросов о моем прошлом. Она принимала как само собой разумеющееся, что черно-белые сертификаты в рамках были убедительным свидетельством моей компетентности.

– Нет, не всегда, – поколебавшись, отвечаю я.

– А как вы стали ароматерапевтом?

Я проглатываю комок в горле.

– Я сама ходила к ароматерапевту, когда... когда мне нужна была такая помощь. Меня это очень успокаивало. И потом я решила тоже пройти обучение, чтобы стать ароматерапевтом.

– Потрясающе, – бормочет женщина, по-прежнему с закрытыми глазами. – А чем вы занимались раньше?

Я не могу сказать ей правду.

– Ну, на самом деле была просто домохозяйкой.

– Не принижайте себя. – В ее голосе слышится легкий укор. – Я сама тоже была «мамой на полный рабочий день», до тех пор пока мой младший не поступил в университет.

У меня возникает внезапное видение: розовые щеки и мягкая, падающая на лоб челка. Выразительный нос. Веснушки. Этот чудесный детский запах.

– А сколько лет вашим? – спрашивает она.

Мои пальцы соскальзывают.

– Ай!

– Простите, простите!

– Мой левый глаз! – Клиентка садится на кушетке. – Вы попали пальцем прямо мне в глаз. Масло щиплет ужасно!

Никогда еще со мной не случалось ничего подобного.

Женщина уходит, не договорившись о следующем сеансе. Таким образом, за последние несколько дней я потеряла уже двух клиентов. Одну – благодаря полиции. А другую – по собственной глупости.

Я стараюсь успокоить себя мыслями о том, что это вовсе не конец света. В моей записной книжке еще много других клиентов. Хотя в этом месте я не так давно, мне удалось набрать достаточно клиентуры по рекламным объявлениям и рекомендациям. Это маленький прибрежный городок. Все люди общаются друг с другом. Это и хорошо, и плохо. Что если последняя клиентка расскажет всем об этом инциденте с глазом? И сколько любопытных видели тогда «Скорую» возле скамейки?

Очень скоро мой секрет в очередной раз будет раскрыт, и мне придется уехать. Опять.

Потому что такова правда. Никто не хочет иметь дело с человеком, который ни с того ни с сего может превратиться словно в «помешанного». Вот что сказал он, когда со мной это произошло впервые.

Дэвид. Человек, которого я имею полное право ненавидеть. Человек, чью жизнь я при желании легко могла бы разрушить. И, возможно, сейчас пришло время.

Я иду через комнату к письменному столу, где у меня хранятся важные бумаги. Открываю папку с надписью «Счета». То самое все еще лежит там, спрятанное среди большой кипы различных квитанций, на тот случай, если когда-нибудь понадобится. Следовало ли мне рассказать обо всем полиции? Возможно. Однако, хотя я очень зла на Дэвида, на самом деле я считаю по-настоящему виноватой во всем Таню. Это она похитила его у меня. Я подозреваю, что она всегда была там, даже до того, как Э-болезнь стала разъедать мою жизнь.

И та бумага касается и ее тоже.

Связано ли исчезновение Дэвида со всем этим? Есть только один способ выяснить.

Мысли беспорядочно крутятся в моей голове. Обычно после приступа еще некоторое время чувствуешь себя нехорошо. Бывает трудно говорить или вообще понимать происходящее. Память подводит, и в голове стоит туман. Возвращение в «нормальное» состояние может занять несколько часов или дней. Зачастую почти все это время мы просто спим. Некоторые творческие люди, страдающие эпилепсией, считают свое заболевание даже «полезным», потому что оно дает им «измененное состояние сознания» – до, во время и сразу после приступа.

Однако на этот раз со мной все по-другому. Я чувствую непреодолимое желание что-нибудь сделать. Это означает – разобраться с женщиной, укравшей моего мужа.

Я закрываю хлопающие от ветра окна. Выключаю музыку. Складываю свои лекарства – хотя, возможно, и не буду их принимать – в небольшую дорожную сумку, вместе со сменной одеждой, приготовленной на тот случай, если у меня случится приступ с недержанием. Надеваю свою красную куртку.

Подхожу к двери. Открываю ее. И подпрыгиваю от неожиданности.

– Что вы здесь делаете? – спрашиваю я.

Детектив-инспектор Вайн бросает взгляд на мою сумку – будто бы мимоходом, но на самом деле явно оценивая обстановку.

– Собираетесь куда-то ехать?

– В гости к подруге, – с напускной уверенностью отвечаю я.

– Я должен сначала кое-что вам показать.

Он помахивает папкой, которую держит в руке. Женщина-сержант – та же самая, что и раньше, – стоит рядом с ним.

– Мы можем войти?

На самом деле это вовсе не вопрос. Я могла бы отказаться впустить их – инспектор ни слова не сказал об ордере на обыск, – но если бы я так сделала, это вызвало бы подозрения в моей виновности.

Они практически ведут меня в мою собственную кухню. Инспектор открывает свою коричневую папку и достает фотографию.

Я уставляюсь на нее. Изображение то вырисовывается, то расплывается перед моими глазами. В конце концов мне удастся произнести:

– Откуда это у вас?

– От одного человека, работающего на вашего мужа. До недавнего времени она не думала, что это может быть важно.

– Важно? – повторяю я, отчасти из-за шока, отчасти для того, чтобы выиграть время.

– Дело в том, Вики, – вклинивается сержант Браун, – что эта фотография была сделана как раз незадолго до исчезновения вашего бывшего мужа. Вы сказали нам, что не виделись

с ним с 2013 года. То есть уже пять лет. Но вот вы здесь вдвоем. Что вы можете сказать по этому поводу?

Глава 8

Скарлет

12 марта 2007

Тот телефонный звонок раздался на четвертый день пребывания Скарлет у Уолтерсов. Они завтракали, и рыжий мальчишка требовал отдать ему последний оставшийся тост.

– Слушай, – прошипела Дон, девочка со вздернутым носиком. – Она говорит о тебе. Правда?

Миссис У. стояла в коридоре, неподалеку от кухонной двери. Она все время громко повторяла одно и то же:

– Ладно, я оставлю ее, в качестве исключения.

Потом она вернулась на кухню и сказала, что Скарлет может остаться у них, если будет хорошей девочкой.

Дома «быть хорошей девочкой» означало выносить мусор и делать уроки. Однако Скарлет не садилась за уроки с тех самых пор, как оказалась в этом доме номер 9 на Грин-авеню. Ее новая подруга Дон не разрешала ей ходить в школу. «Для тебя же так будет лучше. Уж поверь мне», – говорила она.

Они выходили на улицу будто бы ждать автобус, но потом удирали и слонялись в парке, курили и допивали остатки пива из бутылок, оставленных другими людьми. Все оказалось действительно так, как ей говорили остальные. Никто из учителей не обращал внимание на их отсутствие.

– Потом мы состряпаем записку, что якобы болели, – заявила Дон. – Все равно им плевать на детей из временной семьи. Ну, а теперь насчет сегодняшнего. У нас будет кое-что другое. Ты говорила, что тебе восемь, верно?

Скарлет кивнула.

– Ты выглядишь старше.

– Я знаю.

– Это здорово.

– Почему?

– Да так. Ладно, нам нужно идти.

Скарлет охватило волнение, смешанное со страхом.

– Мы будем играть в игру?

Глаза ее подруги удивленно расширились.

– Откуда ты про это знаешь?

– От мамы.

– Она этим занималась?

– Ну да. Мы делали это в парке или в торговом центре.

– И ты ходила вместе с ней? Бедный ребенок.

Они уже шагали по улице.

– А я была совсем не против. Иногда мне даже перепали карманные деньги.

– Похоже, я подумала про что-то другое. А ты вообще-то прикольная.

Скарлет покраснела от удовольствия. Это было так здорово – что у нее теперь есть подруга.

– А ты взяла все, что надо? – спросила она Дон. – Мама обычно брала банки из-под напитков или тубу от чипсов. – В горле у Скарлет застрял ком. – А потом они ее схватили и увезли. Мне так плохо без нее теперь...

Они стояли перед каким-то торговым центром, похожим на те, куда ходили они с мамой.

– Они сказали, что я скоро смогу ее увидеть. – Из глаз у Скарлет брызнули слезы. – Но я не знаю, когда.

Дон пожала плечами:

– Твою маму отправили в тюрьму. Я слышала, как миссис У. это говорила.

– Нет, это неправда. Моя мама сейчас с судьями в суде. Так мне сказала та женщина, социальный работник.

Женщина, проходившая мимо с маленькой собачкой, кинула на них быстрый взгляд и ускорила шаг.

– Ради бога, не кричи ты так.

– Тогда перестань меня щипать и придумывать небылицы про мою маму.

– Ничего я не придумываю. Но если ты хочешь ей помочь, ты должна делать то, что я скажу. Видишь наших?

Глаза Скарлет, наполненные слезами, с трудом что-либо различали, но в конце концов она увидела Даррена и остальных мальчишек из дома. Они стояли возле магазина с заклеенной стикерами витриной.

С-У-П-Е-Р К-А-Ч-Е-С-Т-В-О.

– Там стоит большой стеллаж с дивиди. Даррен толкнет на него Киерана, как будто они дерутся. Там все полетит. И пока продавцы отвлекутся, ты должна подойти к тому другому стеллажу – видишь? Который справа. Хватай диски и сматывайся. Поняла?

– Но что если меня поймают?

– Не поймают, если сделаешь все быстро. А если поймают, то молчи. Ясно? Даже не говори «ничего не скажу», потому что тогда будет казаться, будто ты уже проделывала это раньше. Просто сделай испуганный вид и реви.

– А почему ты сама это не сделаешь?

– Потому что у меня уже было предупреждение.

– Что это такое?

– Хватит задавать глупые вопросы, Скарлет. Ты прекрасно все понимаешь, черт возьми. – Дон подтолкнула ее. – Давай, иди.

– Но я не хочу. Я боюсь.

– Ты хочешь быть моей лучшей подругой?

Скарлет кивнула.

– Тогда иди. Ты же умная. Я знаю, что ты справишься.

Скарлет, с дрожью в коленях, направилась к дверям магазина.

– Ну, наконец-то, – сказал один из мальчишек и потом, без какого-либо предупреждения, поднял сжатую в кулак руку. Один из приходивших к ним дядек однажды ударил маму, и она дала ему сдачи – то же самое принялись проделывать теперь Даррен и Киеран.

Стеллаж с дивиди с грохотом рухнул на пол.

– Эти дети опять тут! – закричал один из продавцов.

Скорее! Пальцы Скарлет так тряслись, что ей с трудом удавалось собирать диски. Один, два, три, четыре.

– Держите девчонку! – услышала она чей-то крик за своей спиной. – Ту, черненькую, с косичками.

Нет! Она уронила один диск. Поднимать уже некогда. Скарлет бросилась вон из магазина и побежала по коридору. Куда же теперь? Об этом Дон ей ничего не сказала.

И тут она увидела табличку. Т-У-А-Л-Е-Т.

«Если будет какая опасность, прячься в туалете, – всегда говорила мама. – Запирайся в кабинке и зови на помощь».

Юркнув в первую кабинку, Скарлет торопливо закрыла дверь. Весь пол там был загажен, а туалетной бумаги не было и в помине. Она присела на сиденье, задышав от ужаса. Кто-то вошел!

– Эта занята, – произнес голос. – Иди в соседнюю.

Скарлет подождала, пока закончится журчание за перегородкой и стихнут удаляющиеся шаги.

Осторожно выбравшись из туалета, она торопливо направилась к выходу. Куда же идти? Может, свернуть за угол? А теперь по этой дороге к «Макдоналдсу»? Кто-то выкинул в мусор коробку с картошкой фри. Скарлет с жадностью все доела. Через дорогу был парк. С качелями. Мама могла быть сейчас там и искать ее. Может, ее уже выпустили из тюрьмы...

– Ага, вот ты где!

Это была Дон.

– Принесла диски? Молодец. Теперь нужно их толкнуть.

Скарлет не стала спрашивать, что это значит, чтобы Дон не передумала быть ее подругой.

Они очень долго шли и шли под дождем, пока не добрались до рынка на другом конце города. Он был совсем не похож на тот, где один продавец давал Скарлет овощи. Здесь никто не улыбался ей и не трепал по волосам.

– Дам пять фунтов, – сказал Дон один из типов на рынке.

– Вы издеваетесь? Это же новинки!

– Ладно, семь. И ни пенни больше. А то вообще сдам вас обеих.

– Ага, рискните. Сами же тогда попадетесь.

– Все, валите отсюда, вы обе.

– Ну-ну, подумайте хорошенько.

– Так и быть. Восемь фунтов. И хватит с вас.

Потом им пришлось проболтаться в парке еще некоторое время до четырех часов. Все должно было выглядеть так, будто они находились в школе. Скарлет уже начала привыкать к тому, чтобы не задавать своей новой подруге лишних вопросов. Никогда нельзя было предугадать, нормально она отреагирует или нет.

В ту ночь Скарлет пришлось лежать очень тихо, когда к ним в комнату пришел рыжий мальчишка. Они с Дон возились на кровати, издавая странные звуки – вроде того, что было, когда к маме приходил кто-то из дядек.

Когда мальчишка ушел, Дон тотчас уснула. Ее храп заливисто звучал в темноте. С улицы доносился визг автомобильных тормозов под дождем. Скарлет беспокойно ворочалась в постели в своей слишком большой коричневой пижаме, которую миссис У. все-таки нашла для нее. Когда она была маленькой, мама научила ее разговаривать со Вселенной.

«Ты можешь попросить о чем угодно, – говорила мама. – Иногда это помогает, иногда нет. Но, во всяком случае, всегда можно попытаться».

«Пожалуйста, Вселенная, – стала молиться Скарлет, – не могла бы ты сделать так, чтобы я увидела маму? Как можно скорее?»

Потом – ведь мама всегда учила ее быть вежливой со всеми (за исключением копов) – она добавила еще одно слово. «Спасибо».

Глава 9

Вики

Я все еще не могу оторвать взгляда от фотографии. Отрицать невозможно. Это я собственной персоной. В том же голубом свитере, что на мне сейчас. Я гневно размахиваю пальцем, что-то говоря стоящему передо мной человеку.

Дэвиду.

Позади нас проезжает красный лондонский автобус, и на заднем плане отчетливо видна набережная.

– Судя по фото, вы тут явно спорите, – говорит инспектор Вайн. Его голос звучит ровно. Уверенно. Просто удивительно, насколько подходит ему его фамилия. Вайн⁴. «Лоза». Он крепко цепляется за все, что ему попадает. У нас с моим бывшим мужем был замечательный дикий виноград, оплетающий весь балкон в нашем доме в Кингстоне. Однажды на выходных мы потратили уйму времени, закрепляя для винограда опоры на стене. Дэвид забрался на лестницу, а я стояла внизу и держала ее. Помню, тогда я подумала о том, как хорошо – работать с кем-то вместе. Интересно, сохранился ли еще виноград на тех опорах?

А я в своей жизни все так и не могу найти, за что бы можно было держаться.

– Вы видите эту газету «Ивнинг Стандарт» в углу? – продолжает инспектор. – Если увеличить картинку, то на первой странице видна дата. 30 ноября 2017 года. А вы сказали, что не видели своего бывшего мужа с 2013-го.

– Может быть, – произношу я неуверенно, – я просто забыла. Мои лекарства... они плохо влияют на память.

– Ах, да. – Его глаза делаются холодными. – Мы ведь с вами уже это обсуждали, тогда, в больнице. Все это вам очень удобно.

– Вы перегибаете палку, – из-за паники горло сдавливает спазм. – Мне нужно поговорить с моим адвокатом.

Инспектор вздыхает. От него распространяется запах мятных конфет.

– Ни один адвокат не сможет отрицать очевидность этой фотографии. – Затем его голос смягчается: – Я должен кое-что сказать вам, Вики. Я вам очень сочувствую. Действительно, очень. Даже не представляю, как я справлялся бы со всем этим на вашем месте. Не имея возможности доверять своему разуму. Не зная, когда меня свалит очередной приступ...

– Иногда я чувствую запах жженой резины, – внезапно говорю я. – Незадолго до того, как это произойдет.

Глаза инспектора загораются с интересом.

– Вот как?

– И сейчас у меня как раз это ощущение.

Я солгала, но видно, что мне удалось напугать его.

– Стресс может провоцировать приступ. – Я тяжело опускаюсь на диван.

Полицейские встревоженно переглядываются.

– Хорошо, – быстро произносит инспектор. – Позвоните своему адвокату.

Единственная, кого я знаю из адвокатов, – это женщина, занимавшаяся моим разводом. Ее зовут Лили Макдоналд. Она мне очень понравилась. Профессиональная и в то же время понимающая. Берется ли она также за уголовные дела? Это слово – «уголовные» – кажется абсурдным и в то же время слишком знакомым. Как ни странно, ее номер все еще записан в

⁴ От англ. vine – лоза.

моем телефоне. Включается автоответчик. В конце концов, сегодня воскресенье. Запинаясь, я оставляю голосовое сообщение, упомянув про срочность своего дела.

– И что теперь? – спрашиваю я у полицейских. – Вы собираетесь предъявить мне обвинение?

В то же мгновение я понимаю, что зря это сказала. Глаза инспектора сужаются.

– А в чем, по-вашему, мы должны предъявить вам обвинение?

– Понятия не имею, – говорю я.

– Вы в этом уверены?

Он пытается сбить меня с толку. Я должна каким-то образом взять над ним верх. Ведь никаких доказательств против меня нет, говорю я себе. Фотография демонстрирует лишь то, что я виделась с Дэвидом за месяц до его исчезновения. Однако это вовсе не означает, что я виновна в его убийстве.

– Можно еще раз взглянуть? – говорю я.

На обратной стороне снимка обнаруживается серебристо-черная наклейка с именем.

Хелен Эванс.

– Кто она? – спрашиваю я.

– Фотограф. Она была тогда с мистером Гудманом.

– Хитро, – с досадой произношу я и замечаю, что сержанта уже нет в комнате.

– Куда вы? – спрашивает Вайн, когда я пытаюсь проскользнуть мимо него.

– За своим ежедневником.

– Вот он, – говорит сержант Браун, возвращаясь из гостиной. Она постукивает пальцем по толстой черной книге.

Когда-то психолог посоветовал мне вести дневник. «Это полезно для душевного здоровья, – сказал он, – потому что помогает высвободить эмоции, не причинив никому физического вреда».

К счастью, тот, что принесла сержант, – не мой личный дневник, а книжка для записи назначенных сеансов с клиентами.

– Что вы себе позволяете? Это мои личные вещи!

– Да ладно вам, Вики. Если вам нечего скрывать, то вы, разумеется, будете не против, если я посмотрю.

– Хорошо, – киваю я после секундного колебания. Он прав. Лучше продемонстрировать готовность идти навстречу.

Инспектор переворачивает страницы.

– Согласно вашему ежедневнику, к вам приходила клиентка в восемь утра в тот день, когда была сделана фотография.

– Вот! – торжествующе восклицаю я. – Значит, я не могла быть тогда в Лондоне.

– Тогда как вы объясните присутствие на фотографии женщины, похожей на вас один в один?

– Я не могу это объяснить.

– Не можете или не хотите?

Мне хочется закричать.

– Не могу.

Инспектор барабанит пальцами по странице, словно отбивая азбуку Морзе.

– Даже если к вам и приходила эта клиентка, у вас все равно было достаточно времени, чтобы покинуть Корнуолл и добраться до той части Лондона.

– Но, за исключением визитов к врачам, я едва ли выбираюсь теперь в город, – говорю я, предпочтя умолчать о том, что как раз собиралась навестить к Тане, когда полицейские явились ко мне домой.

– В город? – переспрашивает женщина-сержант. – Значит, вам он хорошо знаком?

– Вы же знаете, что да, – бросаю я.

– Мы должны это знать?

Разумеется, должны. В моих медицинских документах, несомненно, имелись сведения о моей прошлой жизни. Все взаимосвязано. Но почему они до сих пор не задавали мне самых трудных вопросов?

– Все ваши факты ничего не доказывают, – говорю я.

Детектив-инспектор Вайн окидывает взглядом комнату.

– Это мы решим, когда закончим с нашим осмотром. Как там ваш запах жженой резины, кстати?

Я почти забыла об этом.

– Все прошло, – неуверенно отвечаю я.

– Вот и прекрасно.

Инспектор разворачивается и направляется в мой кабинет. Я покорно слеую за ним, понимая, что мне не удалось вызвать в нем сочувствия своей болезнью.

Они начинают осмотр с моего письменного стола – одной из тех немногих вещей, что принадлежат лично мне, а не хозяйке квартиры. После Дэвида я стала избегать какой-либо материальной собственности. Кроме того, когда ты постоянно переезжаешь, то намного проще, если у тебя ничего нет. Я купила письменный стол на прошлой неделе в местном антикварном магазине, в ложной надежде, что в этом месте мне удастся задержаться подольше.

Я слышу, как женщина-полицейский орудует в моей спальне. Гремит выдвижными ящиками. Открывает и закрывает дверцы шкафа.

Я снова звоню Лили Макдоналд. Однако на телефоне адвоката вновь срабатывает автоответчик. Я оставляю еще одно сообщение.

За окном небо становится розовым. Уже почти вечер. Мне безумно хочется выбраться из дома. Идти по берегу моря. Слышать мягкое шуршание волн о гальку. Вдыхать соленый воздух. Забыть обо всем, что происходит в моей жизни. Делать вид, будто я такая же, как все другие люди, проходящие мимо.

Инспектор берет мою папку с надписью «Счета». Мое сердце подпрыгивает и застревает где-то в горле. Он просматривает квитанции. В любой момент – говорю я себе – он может это увидеть. В любой момент.

С одной стороны, я хочу, чтобы он это сделал.

Но с другой – нет, потому что, черт возьми, какая-то часть меня все еще любит Дэвида, несмотря ни на что. Как будто что-то в моей голове не подчиняется логике.

Инспектор кладет папку обратно. Либо он не заметил документ, спрятанный среди других бумаг, либо не осознал его важность.

– Я могу осмотреть вашу кухню? – спрашивает он.

– Там ничего не изменилось за последние десять минут.

Инспектор игнорирует мой сарказм и разводит руками, словно извиняясь. Однако я знаю, что он вовсе не извиняется.

Я пожимаю плечами:

– Да ради бога. И я тоже пойду с вами. Мне как раз нужно принять мое лекарство.

– В самом деле?

– Да.

Я слеую за полицейским на кухню и достаю баночку, которую, по совету врача, храню на верхней полке, поскольку это препарат, продающийся лишь по специальному рецепту.

Инспектор пристально за мной наблюдает.

– А вы никогда не забываете принять свое лекарство? – спрашивает он.

– Нет. – Я предпочитаю умолчать о том, что временами я сознательно отказываюсь от таблеток по уже упомянутым мною причинам. Иногда мне кажется, что я все равно обречена – и не важно, принимаю я лекарство или нет.

Я указываю на закрепленную на стене табличку «НЕ ЗАБЫТЬ», обрамленную по краю веселым узором из цветочков. Там отмечается дата каждого приема лекарства. Я делаю очередную отметку.

– Пожалуйста, – говорю я. – Можете удостовериться, что здесь отмечен тот день, когда пропал Дэвид.

Это действительно так. Мы оба видим эту отметку. Так же, как и то, что отмечены дни до и после.

– Вам, наверное, приходится нелегко, – произносит инспектор смягчившимся голосом.

– Да, это правда.

На этот раз его сочувствие кажется искренним, и мои глаза затуманиваются. Я отворачиваюсь.

– Я бы предложила вам чашку чая, – говорю я, – но у меня нет чайника, как видите.

Инспектор поднимает бровь.

– Кипяток, – поясняю я, – им можно ошпариться. Некоторые используют микроволновку для приготовления горячих напитков, но и в этом случае есть опасность обжечься.

Мне определенно удалось найти верный подход. Этому я научилась еще в своей прошлой жизни. Нужно знать, за какие струны дергать, чтобы вызвать сочувствие. Это позволяет пробить в броне первую трещину. Затем можно двигаться дальше.

Но вдруг он тоже обнаружил трещину в моей броне?

Остается только ждать – там будет видно.

Глава 10

Скарлет

13 марта 2007

На следующее утро Скарлет проснулась от того, что Дон толкала ее кулаком в бок.

– Вставай. Быстро. Миссис У. злится. Она хочет, чтобы мы выметались пораньше.

Вчерашние события начали всплывать в ее памяти. Украденные диски из магазина дивиди. Человек, которому они их продали. Рыжий мальчишка в постели Дон. Однако Скарлет с надеждой подумала о том, что ей, возможно, наконец дадут увидеться с мамой.

– Сегодня нам придется пойти в школу, – сказала Дон. – Иначе могут возникнуть проблемы. Но сначала нам нужно написать записку – якобы от миссис У. – о том, что мы болели.

– А они не будут проверять ее почерк?

– Думаешь, им больше делать нечего? Давай, сейчас ты ее напишешь. А то я пишу совсем хреново.

– А после школы ты поможешь мне увидеться с мамой?

Дон в это время натягивала свои колготки с дырками на коленках.

– Да она же в тюрьме. Ее не отпустили под залог – я слышала, как миссис У. это говорила.

– Что значит «под залог»?

Голос у Дон смягчился.

– Это когда человека отпускают домой до суда. Но они не выпустят тебя, если считают, что ты можешь сбежать или опасен.

Опасен был их сосед, избивавший своего сына. Опасны были машины, ездившие на большой скорости, – вроде той, что сбила мальчика из их дома в прошлое Рождество. Опасен был один из дядек, предложивший ей однажды, в шутку, какой-то белый порошок. Мама сказала тогда, что убьет его, если он немедленно не уберется из их дома.

– Моя мама никому бы не сделала ничего плохого.

Дон надела юбку, не прикрывшую, однако, дырки на ее колготках.

– Тогда можешь считать, что тебе повезло. Моя мамаша однажды чуть не придушила меня, когда напилась.

– Какой ужас.

– Нет, потом было еще хуже. – У Дон на лице появилось странное выражение. – Мой брат остановил ее. Вот дальше-то и началось настоящее дерьмо.

Скарлет ничего не сказала. Это она узнала от мамы. Иногда нужно подождать, чтобы человек сам все объяснил.

Однако Дон некоторое время молчала, словно во рту у нее было что-то отвратительное на вкус.

– Ну, да ладно, – произнесла она наконец. – Сейчас уже ничего не поделаешь. Кто-то его заложил, а потом пришли эти, из социальной службы, и забрали меня.

«Кто-то его заложил? Кто? И что такого сделал ее брат?» – размышляла Скарлет. Но ничего этого она предпочла не спрашивать вслух.

– Что там с запиской? Готово?

– А что мне писать? Что у нас разболелись желудки?

– А ты знаешь, как это правильно пишется? – нахмурилась Дон. – Я вот не особо уверена. А нам нужно написать правильно, иначе они догадаются, что это мы сами состряпали записку.

– Вот: «Ж-И-Л-У-Т-К-И».

– Да ты голова, Скарлет.

Потом Скарлет оделась, натянув на себя ту же одежду, что и вчера, потому что у нее не было никакой другой. Ее трусы еще не высохли, после того как она испугалась в магазине. От этого было очень некомфортно, и запах шел неприятный.

– Черт возьми, ты опять обмочила матрас! Тебе попадет от миссис У., как в тот раз. Беги скорее за туалетной бумагой, попробуй все это подсушить.

Однако дверь в туалет оказалась заперта. Там всегда было занято, потому что их слишком много. Оставалось лишь терпеть, скрестив ноги. Если только это возможно.

– Эй, вы там, если не спуститесь сейчас же, то завтракать не будете! – прорычала снизу миссис У.

– Пошли, – Дон потащила Скарлет за собой. – Хотя ловить там особо и нечего.

– Хлопьев уже нет, – проворчал рыжий Даррен.

– Значит, кто-то слопал лишнюю порцию.

– Ага, знаем мы, кто это делает, – пробормотала Дон. – Сжирает сначала свое, а потом еще и наше.

– Что ты там сказала?

Дон вызывающе вздернула подбородок.

– Ничего.

Им досталось лишь по ломтику холодного тоста. Скарлет съела свою порцию очень медленно, тщательно прожевывая каждый кусочек, как они всегда делали с мамой, когда у них было не слишком много еды. Потом она сложила руки на коленях, чтобы показать, что закончила завтрак.

– Ой, какие у нас манеры, – ухмыльнулся Даррен.

– Отвали, – сказала Дон.

– Ах, она же твоя новая лучшая подруга, да?

– Я ее учу. И я не хочу, чтобы она была расстроенной.

– А для чего ты меня учишь? – спросила Скарлет.

Дон изобразила на своем лице выражение «заткнись», потому что как раз в этот момент в комнату вернулась миссис У.

– О чем это вы тут разговариваете?

Скарлет робко подняла руку.

– Пожалуйста, миссис Уолтерс. Вы не могли бы сказать, когда мне можно будет увидеться с мамой?

– Когда сообщат из социальной службы, тогда и сможешь. А сейчас выматывайтесь отсюда. Вы все.

– Но еще много времени до автобуса.

– Ничего, подождете. А мне нужно уходить.

Стоять на автобусной остановке было очень холодно.

– Фу, от кого-то воняет, – сказал Даррен. – А! Это новая девчонка опять обоссалась.

– Скарлет-вонючка! Скарлет-вонючка!

Все загалдели, выкрикивая это снова и снова.

Никто не захотел сесть рядом с ней в автобусе. Как только они добрались до школы, Скарлет спряталась за кустами и стащила с себя трусы. Стало гораздо лучше. После этого она побежала следом за другими детьми через школьные ворота. Это оказалась большая школа – так же, как и ее прежняя, – и классы были огромные. «Учителей не хватает, поэтому мы разделены по способностям, а не по возрасту, – объяснила Скарлет ее новая подруга. – Похоже, мы с тобой в одном классе по математике. – Она потянула ее за руку: – У меня с этим вообще беда, так что давай сядем подальше. Пойдем».

Наконец-то можно было заняться чем-то интересным!

– Черт возьми, как ты быстро! – сказала Дон, когда Скарлет закончила свое задание. – А можешь сделать и мое тоже?

К счастью, в классе было так шумно, что учительница этого не услышала.

– Кто может сказать ответ в первом примере?

– Одиннадцать.

Учительница удивленно посмотрела на нее.

– Молодец, Дон. А во втором?

– Пять и... маленькая единица над двойкой.

– Отлично. Вот что значит – стараться. Ну, а теперь давай ты. – Учительница кинула взгляд в лежавший перед ней журнал. – Скарлет, верно?

– Скажи неправильно, – прошептала Дон.

– Зачем?

– Чтобы она не догадалась, что это ты подсказала мне ответ.

Но ведь шесть умножить на шесть – тридцать шесть. Это же все знали, разве не так? Ее мама была в этом очень сильна. Она собиралась изучать математику в университете, до того как у нее появилась Скарлет.

– Тридцать четыре, – послушно произнесла Скарлет.

– Нет, правильно – тридцать шесть. Но ничего страшного.

– Так нечестно, – прошептала Скарлет, когда они принялись делать задания на следующем листе.

– Все честно. Я ведь тебя опекаю, правда? Поэтому ты должна тоже что-то для меня делать.

Наконец настало время обеда. Жареная картошка с тушеной фасолью! Вкуснятина.

– Тебе придется немножко поделиться, – сказала Дон. – Отдашь мне половину.

– Но почему я не могу съесть все сама?

– Потому что я тебя защищаю, глупая. Я же должна получать от тебя какую-то благодар- ность за это.

– А от кого ты меня защищаешь?

Дон указала на трех девочек у окна.

– Видишь этих? Злобные твари. Запросто выцарапают тебе глаза на игровой площадке, если меня не будет рядом.

Когда Дон это говорила, одна из девочек пристально посмотрела на них своим тяжелым взглядом. У Скарлет от этого по телу пробежала холодная дрожь.

– Они живут в пригороде, не то, что мы. В Бэдлендсе.

Скарлет молча пододвинула ей свою тарелку. Дон поменяла ее на свою, пустую.

Через несколько минут раздался резкий свисток.

– Все на улицу!

– Сейчас начнется, – глухо сказала Дон. – Держись рядом со мной.

– Но разве тут не дежурят учителя? В моей прежней школе они следили за тем, чтобы никто никого не задирал.

– Никто здесь ни за кем не следит. Делать им больше нечего!

Холодный воздух пробрал Скарлет до костей, едва она оказалась на улице. Старая куртка, которую дала ей миссис У., была слишком мала, и у нее сломался замок.

– Кажется, тут кто-то замерз? – спросила одна из девочек из Бэдлендса. На ней была черная кофта с таким глубоким вырезом, что виднелся бюстгальтер.

– Нет, – сказала Скарлет, но ее голос дрожал.

– Наверное, это потому, что на тебе нет трусов.

Как она узнала?

– Одна моя подруга заметила это, когда уронила карандаш на пол. Тебе нравится сверкать голой задницей? Или ты привыкла к более жаркой погоде? Откуда ты вообще приехала?

– Я отсюда.

– А почему ты тогда черная?

– Она коричневая, – сказала Дон.

– А. Ну да. Кстати, я слышала насчет вчерашнего грабежа в торговом центре. – Ее глаза сузились. – Там была девчонка того же цвета, что и ты. И с красными бусинами в волосах.

– А вот за это можешь и получить от меня!

– Да что ты говоришь, Дони?

– Никто не смеет меня так называть.

– Дони, Дони!

Скарлет отступила назад – и как раз вовремя, чтобы избежать пролетевшего перед ее лицом кулака Дон.

– А! Она сломала мне нос!

– Что здесь происходит? – Наконец подошла учительница.

– Она сама виновата. – Дон указала на кричавшую девочку, сидевшую на земле с залитым кровью лицом. – Ну же, Скарлет. Расскажи, как все было.

Если кто-нибудь спросит, что произошло во время игры – учила ее мама, – всегда обвиняй кого-нибудь другого.

– Эта девочка, – произнесла Скарлет, указывая на ученицу с окровавленным лицом, – обидела меня, сказала, что я черная. Моя подруга просто за меня заступилась.

– Ты позволила себе расистское замечание?

– И что с того? Мой отец говорит, что их всех нужно собрать и отправить обратно на родину.

– Вставай. Ты пойдешь со мной. – Учительница кивнула Дон. – А ты присмотри за новенькой, пока я разберусь со всем этим.

– Молодец, – сказала Дон, похлопав Скарлет по спине. – Эта учительница здесь недавно, поэтому все еще думает, что может что-то изменить.

Все остальные на игровой площадке опасливо держались поодаль.

– А почему ты так рассердилась, когда она назвала тебя «Дони»?

– Не твое долбаное дело.

Скарлет почувствовала, что допустила оплошность.

– Извини, пожалуйста.

– Нет уж, простым «извини» ты не отделаешься. Тебе придется загладить свою вину.

– Как?

– У нас снова будет дело в пятницу.

– Мы будем играть в игру?

Дон издала звук, похожий на смешок.

– Ну, можешь и так это называть, если хочешь.

Скарлет почувствовала смесь страха и приятного волнения.

– Ладно. – Дон подтолкнула ее локтем. – Иди сейчас в школьный офис и скажи, что тебе нужны одноразовые трусы. Ты не можешь ехать обратно на автобусе в таком виде.

– Но если они мне откажут?

– Нет, сейчас они будут к тебе подлизываться, чтобы ты не пожаловалась на расизм. – Дон ухмыльнулась. – Отлично сработано.

* * *

Когда они вернулись в тот день домой, миссис Уолтерс уже их ждала.

– А ну навверх, – мрачно сказала она Скарлет. – Как, черт возьми, это называется? – Она указала на мокрое пятно на простыне. – Я терпеть не могу зассанцев. Я тебе уже это говорила.

– Простите меня. – Скарлет услышала свой голос у себя в голове, но язык не слушался, чтобы толком произнести эти слова.

– Что ты там бормочешь?

– Простите меня.

– Громче.

Скарлет сделала еще одну попытку:

– Простите меня.

– Я меняю постельное белье раз в месяц. И я не собираюсь зря тратить на тебя деньги только из-за того, что твоя никчемная мамаша не приучила тебя к горшку. Так что будешь спать на этих простынях до следующей смены белья. А сейчас спускайся к ужину. Вы сегодня рано пойдете спать.

На ужин каждому досталось по полторы рыбные палочки. Они с Дон сидели рядом. Скарлет уже знала, как нужно поступить. Когда миссис У. отвернулась, она быстро отдала целую палочку Дон, чтобы отблагодарить ее за дружбу. Горох был недоваренный, поэтому Дон не стала на него претендовать, и Скарлет с жадностью съела его сама.

– А что на десерт? – спросил Даррен.

– Ничего.

– Но вы должны давать нам десерт.

– А вы не должны воровать еду из нашего холодильника.

Все замерли. Этот голос исходил от стоявшего в дверях маленького толстого человека. Скарлет еще не видела его раньше, но, по рассказам Дон, догадалась, кто это. Мистер У. работал водителем грузовика. Он часто бывал в отъезде. Иногда он брал с собой и своего сына, о котором упоминала женщина из соцслужбы. Очевидно, это был стоявший рядом с ним подросток. У них обоих были огромные уши, похожие на цветную капусту и казавшиеся слишком большими для их голов.

Мистер У. оглядел стол своими черными глазами-бусинами.

– Ну, давайте. Признавайтесь. Все равно я вас рано или поздно поймаю.

В ушах у Скарлет зазвенела тишина.

– Я буду следить за всеми вами. За каждым из вас.

К ужасу Скарлет, его глаза остановились на ней.

– А это, значит, новенькая девчонка? Зассыха.

Все дети захихикали. В том числе и Дон. Скарлет почувствовала укол обиды. Ведь она была ее подругой.

– Ладно, мисс Пис-пис, у меня есть для тебя кое-какие новости. – Он помахал пальцем, и Скарлет заметила, что руки у него – так же, как и уши, – были слишком большие, по сравнению со всем остальным телом. – Сотрудница из соцслужбы повезет тебя в пятницу на встречу с твоей матерью-уголовницей.

– Спасибо, спасибо вам!

Ей хотелось прыгать от радости.

– Но если ты снова намочишь постель, мисс, то никуда не поедешь. Поняла?

Сердце Скарлет просто пело, когда они поднимались по лестнице в комнату. Оно не перестало петь даже тогда, когда Даррен и Дон снова устроили шумную возню. Скарлет крепко зажмурилась и обратилась с молитвой ко Вселенной, прося о том, чтобы мама смогла каким-нибудь образом выбраться из тюрьмы и приехала к ней. Тогда у них все опять стало бы хорошо.

Глава 11

Вики

Все происходит не так, как бывает в фильмах, не сразу. Петля кажется довольно свободной сначала, когда полиция только подступает к тебе с вопросами. Но потом она начинает затягиваться.

Во всяком случае, так описывала это одна из наших девчонок. В то время я видела в этом скорее художественный вымысел с ее стороны. Она была весьма склонна все приукрашивать. Мой собственный опыт попадания за решетку довольно сильно отличался от того, что рассказывала она. Однако теперь я начала понимать, что она имела в виду.

Женщина-полицейский держит в руках пластиковый пакет – такой, в какой складывают улики. Мне уже доводилось видеть подобные в своей жизни.

– Мы изымаем ваш рабочий ежедневник, – произносит инспектор Вайн, нарушая мои мысли.

– Хорошо, – говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно. – Но, возможно, вам будет трудно разобрать мой почерк.

Это правда. С тех пор, как со мной все это произошло, мои руки стали подрагивать.

– Это все? – спрашиваю я. Слишком поздно до меня доходит, что мои слова звучат подозрительно, выдавая мою неуверенность: как будто я ожидала, что они заставят меня ехать с ними.

– Пока да. – Инспектор снова пристально глядит на меня. – Мы будем держать с вами связь. И я настоятельно рекомендую вам позаботиться об адвокате.

Я запираю дверь за ними на ключ. Закрываю все окна. Я в курсе, что так делать нельзя. Одно из правил, которое я узнала, получив свой диагноз, гласит, что нужно обязательно оставлять свободным доступ в жилище – на тот случай, если потребуется экстренная помощь. Однако в этот момент мне нужно полностью отгородиться от внешнего мира.

Как только полицейские уходят, я хватаю свою папку с надписью «Счета». Та самая бумага по-прежнему там. Возможно, следовало бы перепрятать ее в более надежное место.

Потом, забравшись в кровать, я делаю себе кокон из одеяла, пахнущего лавандой. Так я чувствую себя в большей безопасности. Еще не ночь, но лекарства, как всегда, оказывают свой эффект. Мои веки тяжелеют. Я не могу больше держать глаза открытыми. С большим облегчением я сдаюсь.

Должно быть, я очень крепко уснула, потому что телефон сначала звучит как эхо в моем сне. Я не всегда помню, что мне снится. Зачастую я просыпаюсь с неприятным ощущением, что мне удалось каким-то чудесным образом выбраться живой и невредимой из чего-то ужасного. Однако на этот раз я прекрасно помню свой сон. Он связан с фотографией, которую показали мне полицейские, с именем на обратной стороне. Я бегу по пляжу за женщиной по имени Хелен Эванс, хотя – как и в реальности – не имею ни малейшего понятия, кто она такая. Ее волосы развеваются на ветру, и я хочу, чтобы она обернулась, чтобы увидеть ее лицо. Однако, как только она начинает поворачивать голову, раздается телефонный звонок. Я резко сажусь на кровати и хватаю мобильный. Он скользит в моей влажной от пота руке, но мне все же удается нажать нужную кнопку для ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.